

Евгений Ренкас

ДНО
ПИСАТЕЛЯ
ВОДОЛАЗКИНА

Русское эхо
2021

*Первое издание
от литературного объединения
«За центнер!»*

Ренкас Е.В.

Р 39 Дно писателя Водолазкина: Литературное исследование — Самара: Русское эхо, 2021. — 112 с.
ISBN 978-5-9938-0035-6

Современная российская культура и, в особенности, литература переживают глубокий кризис. Более того, различные силы ведут планомерную скрытую работу по фальсификации истории России и реабилитации нацизма, навязывая обществу восприятие СССР как исторического зла, равноценного фашистской Германии. Как это происходит показано в данной публикации на примере отдельных известных литературных, телевизионных, псевдорелигиозных деятелей.

ISBN 978-5-9938-0035-6

© Ренкас Е.В., 2021.

© Русское эхо, 2021.

Писатель

Евгений Германович Водолазкин

Биографическая справка

Родился в 1964 году в Киеве. В 1981 г. окончил школу с углубленным изучением украинского и английского языков и поступил на русское отделение филологического факультета Киевского государственного университета. Окончив университет в 1986 г. с красным дипломом, поступил в аспирантуру при Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

После защиты в 1990 г. кандидатской диссертации на тему «Хроника Георгия Амартола в древнерусской литературе» поступил на работу в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, возглавлявшийся академиком Д.С. Лихачевым. Работая в институте, публиковался в «Трудах Отдела древнерусской литературы», журнале «Русская литература» и других изданиях, принимал участие в подготовке Энциклопедии «Слова о полку Игореве» и «Библиотеки литературы Древней Руси».

В 1992 г. в связи с получением Д. С. Лихачевым Тенфеновской премии, предусматривавшей годичную стажировку ученика лауреата в Германии, был приглашен Мюнхенским университетом, где изучал западную медиевистику, а также читал лекции по древнерусской литературе.

В 1998-2002 гг. (с перерывами), будучи стипендиатом Фонда Александра фон Гумбольдта, занимался исследовательской работой в библиотеках Германии. В 2000 г. в Мюнхене Водолазкиным была опубликована монография «Всемирная история в литературе Древней Руси», защищенная им в том же году в ИРЛИ в качестве докторской диссертации.

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Обладатель многочисленных литературных премий и автор романов «Похищение Европы», «Лавр», «Авиатор», «Брисбен», «Оправдание острова», повести «Близкие друзья», сборников рассказов, пьес.

I.

Современные литераторы и авторская передача Владимира Познера

«Мне кажется, что задача литературы сейчас — пытаться достучаться до каждой души. Не до всех, заметьте, не оперировать такими понятиями, как народ, страна, а до каждого конкретного человека, и дать понять, что сейчас уже, собственно, без пяти двенадцать.»

«Меня изумляет жестокость интернета... Сейчас пришел интернет, который пока удешевляет энергию зла преимущественно... Люди часто не дорастают до своих открытий... Интернет — это сейчас то, что с катастрофической силой плодит дурную энергию.»

**Е.Г. Водолазкин в программе «Познер»
01.03.2021**

Я — человек простой. Раз уж все в интернете плодят энергию, то почему бы и мне в печатной форме лучами какими-нибудь не разродиться. Вдумчивый просмотр видеотрансляции «интервью» основательницы жанра «ГУЛАГ-ВОЯЖ» Гузели Яхиной господину Познеру сподвиг меня поближе ознакомиться с творчеством Мэтра антиотечественной журналистики на ниве опроса засланных ему в рекламных целях литературных казачков. Как это принято сейчас говорить у русских писателей и писательниц — «погрузиться в тему», так сказать.

Совершить «пробный нырок» в пучину мракобесия отдельных представителей пишущей братии и (без сарказма) восхищения профессионализмом заслуженного строителя телемостов, мне помог модный автор и лауреат с подходящей к обстоятельствам фамилией Водолазкин. Взор мой невольно пал на, как выяснилось впоследствии, околотеологические дебаты Владимира Владимировича с оберст-капелланом нынешнего отечественного литпроцесса, сочинителем бессмертной повести-саги «Близкие друзья» о мотыляниях сексуально раскрепощенного, но мертвого фашиста в ящике из-под снарядов по бескрайним просторам негостеприимной «факинг Раша». Два персонажа упомянутого произведения — кладбищенская свингерша Эрнестина и не по годам похотливый доктор-нацист Аймтербоймер до сих пор преследуют меня в самых страшных снах.

Пример Водолазкина хорош тем, что господин Познер приглашал его поворковать «о том о сём» под покровом ночи аж дважды. Первый раз Евгений Германович был явлен племени людскому 06.06.2016 (уверен, что дату выпуска этой передачи интеллектуально-ироничный Мэтр выбрал неспроста). Второй раз писатель-веростоятель пытался забуриться в наши души через телепрограмму «Познер» от 01.03.2021. Думается, как и в предыдущем случае, самый любимый журналист и гость грузинского народа с удовольствием бы приурочил навязанную ему беседу к какой-нибудь более подходящей дате, скорее всего, к первому апреля. Но продажи романа-проповеди «Оправдание острова», видимо, буксуют, а потому решили в срочном порядке привлечь ядерный поезд машиниста Познера для разгона тележки с похабной пародией на Библию и летописи города Глупова пера Водолазкина.

Объять одним дифирамбом двухчасовые блукания «мыслию по древу» от такого глыбаря русской литературы и духа, как Евгений Германович, попросту невозможно, да и вряд ли кто осмелится. Поэтому придется посвятить целую брошюру ученику академика Лихачева. (Если не указать сей морально-нравственный титул господина Водолазкина, то земля, видимо, налетит на небесную ось, судя по настойчивости Владимира Владимировича, периодически напоминавшего зрителю: «ху из ху» он позвал в телевизор).

Анализируя просмотренный видеоматериал, мы вместе с вами постараемся «сходить от малого к большому и обратно», присмотреться к личности автора «дюжины хороших книг» и своеобразного взгляда на окружающую реальность, проблемы религии и Веры. Рискнем дать ответ на вопрос: какой же литературно-духовный продукт предлагается писателем-веростоятелем к употреблению россиянам, оскотинившимся в очередях к кассам «Пятерочки».

Накал «расследовательской» интриги несколько снижает блистательная фигура Мэтра. Абы кого он в рекламных целях в креслице напротив себя не усадит. Но я, как истый сталинист-начетчик, эмоциям и безосновательным наветам склонен не доверять, мне цифры и факты подавай. И тем не менее, не могу лишний раз не выразить восхищение Магистром антинародной пропаганды Познером.

Будь на месте Мэтра такая увлекающаяся, глумливая сволочь, как я, давно бы сменил фамилию на Пойзнер, и даже бы не соизволил объяснить своё решение заинтригованной общественности любовью ко всему английскому, итальянскому или французскому. Пусть лохи хавают пропагандистский корм не с совковой лопаты, а с элегантно поданного «пихла» для приготовления пиццы.

Ядочерпий всея Руси Владимир участвует в подготовке экипажей медиахирабров по опрыскиванию территории Российской Федерации информационной и моральной отравой с усердием, которому позавидуют дожившие до наших дней командиры авиасоединений, заливавших напалмом Вьетнам. И в гости к ютубовскому императору-мастурбатору Юрию Дудю интеллигентный Познер сходит, и с «писательницей» Яхиной у себя на программе пошепчется... Он бы знаете кого ещё с удовольствием на интервью-междусобойчик пригласил? Да-да, именно Гитлера (как недавно заявил, отмазывая свою любимицу Ксению Собчак от нападков за фильм про скопинского маньяка), но тот, сука неосознательная, умер...

Кто-то попробует списать вышеперечисленное на слепую убежденность Мэтра в полезности своей деятельности, чудовищных последствий медиа и лит-творчества его идейных собратьев для будущего России. Но такие аргументы противоречат логике, и далее я покажу это. Но как не испытывать уважение к настоящему мужчине, однозначно отказавшемуся читать последнюю книгу за авторством Водолазкина даже ради достижения собственных глобальных целей.

Владимир Владимирович вообще старается оберегать своё сознание от интеллектуального мусора, с которым приходится иметь дело. Например, художественные труды «писательницы правдой» Яхиной и водолазкинские потуги создания новой версии Библии он брезгливо «отправляет в топку» изучения подчиненными. О подробностях биографии засланных интервьюируемых, судя по всему, быстро забывает (в 2021 году уточнял у Евгения Германовича, верующий тот или нет). По-человечески жаль людей, вынужденных готовить смысловые сюжетные выжимки из произведений гостей Мэтра и материал

для обсуждения их «творчества» в рамках программы «Познер». Но что поделать — капитализм, каждый выживает как умеет.

Глубоко и детально вся антиотечественная деятельность журналиста Познера разбирается на ютуб-канале «Плохой сигнал» Егором Ивановым.

К просмотренным записям двухчасовой «телеги» Владимира и Евгения ютуб любезно предложил прицепом декабрьский выпуск «Вечернего Урганта». Если вдруг столкнетесь с подобной «предложкой», ни в коем случае не ведитесь на беспощадные алгоритмы нейросетей — приглашать на юмористическую передачу деятеля вроде Водолазкина, который там еще и шутить будет пытаться, — тяжелейшие испытание не только для ведущего, но и для зрителей.

Слушая и переслушивая 120 минут монотонных и повторяющихся, словно заевшая пластинка рассуждений писателя «о вечном», я все никак не мог понять: кого же он мне напоминает — вроде как и «баюн», но точно не «кот», грации кошачьей не хватает. Но после ознакомления с содержанием главного развлекательного вечернего шоу страны от 11.12.2020 «пазл» в моей голове сложился. Евгений Германович похож на такого крупного Мыша-баюна. В отличие от простоватого сказочного кошака, желающего тупо сожрать тело своей жертвы, Водолазкин более «гастрономически избирателен». Его цель — прогрызть своими речами маленькую дырочку в черепной коробке заговариваемого, заползти туда и похрустеть чужими мозгами.

В целом мрачная ютуб-экскурсия по выставке творческого наследия Познера и Урганта, посвященного автору «Оправдания острова» не обошлась и без положительных

эмоций. Сопоставив даты передач двух старых телевизионных друзей, я обрел надежду и укрепился в своей вере в разум человеческий, утвердившись в первоначальных догадках, что продажи новой книги окончательно скатившегося в мракобесие писателя и филолога идут вяло. Если на четвертый месяц после издания к рекламе литпродукции подрубают Познера взамен «несработавшего» Урганта, то дела, видать, совсем плохи.

От услужливого весельчака Вани я также узнал, что господин Водолазкин прочно угнездился в Пушкинском Доме. Что тут скажешь... Если опираясь на сей факт, кратко резюмировать мои впечатления от просмотренных записей ночных бдений Владыки Евгена в гостях у Старца-мудреца Владимира, то придется перефразировать Довлатова: «Хорошо, что Пушкин этого никогда не узнает!»

Презираемый в современной литературной тусовочке Сергей Донатович по едкому и снисходительному определению модного критика Дмитрия Зильбертродовича Быкова — «недалекый». Очень может быть. Однако Довлатов умел в одном предложении или паре слов гениально-ёмко и с юмором донести до читателя свою мысль. А вот частично отрёкшийся от корней публицист, поэт и писатель иногда не справляется с подобными задачами на двух-трех страницах вымученных размышлений. Хоть они и пронизаны злободневной сатиркой из разряда «лол, кек, чебурек».

Зависть, Дмитрий, плохое чувство. Если бы Вы ограничили свое творчество производством оригинальных, интересных литературоведческих статей и не пытались постоянно «в художественную литературу поиграться» (не осуждаю, сам этим грешу), то Ваш плевок на могилу приличного человека можно было бы отнести к вкусов-

щине, а так «есть с чем сравнить», как говорится. Кстати, мне тут намедни попался на глаза Ваш сборник, озаглавленный «Блуд труда» издательства «Лимбус Пресс» от 2007 года. На последних страницах беспринципные книгоделы тиснули рекламу таких нетленок как «Охота с кукуем» Владимира Медведева (хорошо, хоть не Дмитрия), «Манон или жизнь» Ксении Букши и «Sugar Mama» Андрея Филатова.

За Кукуя ничего плохого не скажу — не читал (хотя когда мне это мешало). Надеюсь, что эта книжка не производственный роман про будни эксгибиционистов, и герои там с кукуями наперевес не носятся, а держат их основную часть повествования под плащами и шинками. Чужих мам я вообще в свой базар стараюсь не тянуть, Мама — это святое. Но рекламно-восхищенная рецензия за подписью некоего Быкова на «Мамон за жизнь», где Букша нарекается надеждой не только отечественной прозы, но и европейской, меня несколько насторожила.

Ну пускай Довлатов Вам, Дмитрий, не мил, ему от этого хуже уже не станет: он для современных критиков-восхвалителей давно превратился в тяглого коня — то в повозку с клеткой для худосочных пеликанов писателя Астватацурова впрягают, а то и куда похуже загоняют. Но попробуйте представить, как бы на такие Ваши проклятья-пророчества в адрес европейской прозы отреагировал серёгин друган Бродский? По голове бы точно не погладил. С таким багажом, знаете ли, трудно Вам будет ступить в Вечность и ряды Великих.

Но пора переходить от мимоходом затронутого вопроса, как поссорились Дмитрий Львович и Сергей Донатович, к основному предмету нашего литературного капустника.

Доктор филологических наук Водолазкин, он чем берёт? В тот бурный поток сознания, который он генерирует посредством устной речи можно заныривать с любого тайм-кода — чем-нибудь умственным да оригинальным обязательно пропитаешься. Евгений Германович в числе прочих озвученных сентенций определил время как нечто данное человекам свыше, дабы они не путались в событиях.

Я докторам не перечу — дело гиблое, поэтому постараюсь обозревать беседы Познера и Водолазкина в хронологическом порядке. Но на чем хотелось бы отдельно заострить внимание: что в 2016-том году, что в 2021-вом выступления в телевизоре автора повести о разнузданных фашистах напоминают плохо завуалированное собрание заблудшей паствы на своеобразный путь к Богу. Все бы ничего, но только от формы подачи и нетривиальных рассуждений, задействованных в этой «проповеди», даже Папа Римский может отречься от сана и рвануть обустривать кафедру научного атеизма в подвалах своей резиденции — Апостольского дворца, не забыв заскочить на известный балкон и объявить оттуда Ватикан территорией вне религии.

Тема Веры очень деликатная и всегда личная, её бы лучше вообще не касаться, но придется. Здесь всякое случается. Например, я — типичный «захожанин», а вот господин Познер, по его же собственному признанию, убежденный атеист. Оттого вдвойне интереснее наблюдать за пикировкой религиозного филолога и бывшего усидчивого студента-диссидента Владимира Владимировича, впервые «прижавшего к ногтю» упоротого сталиниста в виде преподавателя кафедры марксизма-ленинизма еще в те страшные времена, когда о таком тренде никто и не помышлял — в 1954-том или 1955-том году. Для

выставления посмешищем университетского педагога прогрессивному парню, второкурснику МГУ, успевшему повидать американские виды, хватило одного вопроса: «А ты дерево-то кукурузное вблизи видал?»

Оцените смелость, размах и космический масштаб прозрения молодого Владимира, практически Буревестника «Оттепели». Секретного доклада для XX Съезда КПСС еще даже в проекте нет, до Перестройки тридцать лет, мумия Тирана спокойненько себе лежит рядом с Вождем мирового пролетариата в Мавзолее и источает всеобъемлющий ужас вперемишку с культом личности, а будущий редактор журнала «СССР» уже коммуняк вовсю гоняет.

Зануды-историки очень скептически относятся к подобным мемуарным «изложениям жизненных вех», но я — технарь, мне можно, и Познеру я верю. Давний случай с троллингом туповатого левачка Мэтр припомнил не просто так, но обо всем по порядку...

II.

Как студент Водолазкин почувствовал страх

«На мой взгляд, наивысшее мужество заключается в том, чтобы быть способным поступать не так, как ожидают твои друзья, твои единомышленники.»

**В.В. Познер цитирует писателя
Водолазкина на программе «Познер»
от 06.06.2016**

На тридцать пятой минуте видеозаписи первой встречи двух достойных мужей в 2016-том году, приуроченной к выходу водолазкинського романа «Авиатор», с подачи Владимира Владимировича начинается пятиминутный отрезок, на котором опытный интервьюер решает целый комплекс задач:

- 1) в соответствии с «заказом» продолжает показывать навязанного гостя смиренным христианином и отличным человеком;
- 2) тонко издевается над приглашенным, потому как для атеиста-ведущего, поднаторевшего на кафедре марксизма-ленинизма ещё в студенческие годы, его визави, пишущий романы, где «научное уступает место божественному» — мракобес;
- 3) не даёт забыть зрителям и собеседнику, кто тут Папа;
- 4) плавно переходит к следующему блоку, содержащему легкую критику РПЦ, восторги в адрес родной для Познера Франции, отсылки к прогрессивному западному опыту;
- 5) чмырит коммунистов.

(На самом деле, пункты 5 и 3 — лейтмотив творчества Владимира Владимировича, но иногда приходится сдерживать любимые порывы ради достижения тактических целей — подловить расслабившегося гостя, а затем выставить дураком и т. д., и т. п.)

«Разворачивать темы» господин Познер начинает с краткого пересказа какого-то автобиографического очерка писателя Водолазкина. Если резюмировать это повествование, то молодой советский парень Евгений, вынужденный скрывать свои походы в церковь и глубоко религиозные убеждения от общества, на определенном этапе жизненного пути столкнулся с необходимостью посещать лекции по научному атеизму в связи с решением выучиться в Киевском государственном университете на филолога. Безбожник-преподаватель начал допрашивать студентов, кто из них верующий, а кто нет. Первокурсник Водолазкин «почувствовал страх»: сознаешься — отчислят из ВУЗа, соврешь — отречешься от веры...

Однако, высшие силы вовремя заметили мечущуюся между студенческим билетом и путевкой в ад душу и отправили её на выручку неустановленного гражданина, который под предлогом вызова в деканат увел разбушевавшегося нехристя подальше от скопления не успевшей определиться «вера або коллоквиумы» молодежи. Небесная канцелярия не оставляет в покое духовно неокрепшего курсиста Водолазкина и бонусом насылает на него озарение...

Цитирую:

«Я и тогда понял, и, тем более, сейчас понимаю, что всё случившееся было явным действием божьим. Господь меня спас, причем не потому, что я такой хороший, а, наоборот, понимая, что я слаб, не готов к мученичеству, что такой крест мне пока что не по плечу. Заодно Он дал мне возможность трезво взглянуть на себя.»

Дождавшись развязки этого морально-нравственного триллера, претендующего на библейский масштаб, я в очередной раз остановил видеозапись сеанса массового гипноза и задумался: «Чё за дешёвую мазь пытается втереть в мою лысину штатный теле-Мессинг Первого канала? Про какие это изгнания студентов за веру из ВУЗов под закат СССР повествует в своих воспоминаниях Водолазкин?»

Дабы избежать обвинений в «закидывании красными помидорам» (по меткому определению писательницы Татьяны Соломатиной) господина Познера и его гостя, я попытался «погрузиться» в, так скажем, историко-политические обстоятельства услышанного мной мемуара.

Не стану уподобляться довольно многочисленным исследователям, утверждающим, что к 1981 году антирелигиозная кампания, начатая Хрущевым, «почти полностью сошла на нет», ведь именно тогда студент Евгений учился на первом курса Киевского государственного университета. Да, в 1975 году в поселке Софрино, на землях, выделенных Совмином СССР, началось строительство предприятия по производству культовых товаров, в 1980-том были отменены некоторые нормы хрущёвской поры по налогообложению РПЦ, в 1981-ом Священный Синод и Святейший Патриарх Пимен начинают подготовку к торжествам по поводу 1000-летия Крещения Руси. Наконец, в 1982-том советским руководством принято решение о передаче в следующем году Московскому Патриархату древнейшего в Москве монастыря Святого благоверного князя Даниила (правда, по итогу под административные нужды). Нельзя забывать и про Конституцию 1977 года, закреплявшую право граждан исповедовать любую религию...

Вряд ли вышеперечисленные события генерировались энергией от слияния неосознанных душевных устремле-

ний простого народа и дум «о вечном» дряхлеющего властителя Леонида (Брежнева), вплотную приблизившегося к смертному одру. А жаль — Евгений Германович такую годноту любит. Но скорее всего, причины подобных «заигрываний» земных иерархов с церковными вполне прагматические. Один из примеров — укрепление международного авторитета СССР.

РПЦ вела работу по оправданию советской политики за рубежом. Патриарх Пимен посещал официальные мероприятия «Олимпиады-80», общался с разностатусными гостями и устроителями общемирового спортивного праздника, почтил своим присутствием Олимпийскую деревню, где в соответствии с Уставом МОК организовали часовню и иные культовые помещения. Выступал Патриарх Пимен и на Второй спецсессии Генассамблеи ООН по разоружению...

Осмелюсь порекомендовать читающим этот текст ознакомиться с биографией тогдашнего руководителя РПЦ. Сложная, не избежавшая частичной мифологизации судьба сильной личности, утвердившейся на своём Пути, как будто отражает тот непростой период в истории нашей страны, совпавший с годами возмужания будущего Патриарха. Даже его близкое знакомство с медициной не прошло даром: реально оценивая менявшуюся ситуацию в государстве, он, словно следуя принципу «не навреди», аккуратно и планомерно двигался к своей главной цели — возрождению церкви.

Разделять или нет помыслы Его Святейшества — личное дело каждого. Для меня последний советский Патриарх — еще один пример волевого, расчетливого человека, грамотного руководителя, дипломата и профессионала. Не скрою, поводом для дополнительных симпатий в моём восприятии Пимена, послужило адресованное ему

Солженицыным «Великопостное письмо», в котором зна-ток-теоретик «как нам обустроить Россию в любом формате» безостановочно чиховстит недостаточно радеющего за веру верховного пастыря.

Если с «официальной» РПЦ отношения государства развивались в более менее компромиссном ключе, то к так называемым «церковным и религиозным диссидентам» могли применяться репрессии, вплоть до лишения свободы или помещения в специализированные психиатрические больницы.

(Кратко и понятно о «церковных и религиозных диссидентах», например, в статье Протоиерея Владислава Цыпина на сайте Православие.ру или в электронной публикации Протоиерея Дмитрия Сазонова «Религиозное диссидентство как явление духовного возрождения в СССР в 60-80-х годах XX века». Авторы не сходятся в оценках численности «диссидентов», последствиях их деятельности для РПЦ и советского, а затем и российского общества.)

Молодые, как правило, люди, недовольные состоянием дел в окружающей советской действительности «семидесятых», пытались найти «ответы и пути решения» в своеобразном, новом критическом взгляде на религию, отличающемся от принятых канонов. Подобные неофиты проводили собрания, семинары, выпускали «самиздат», по некоторым данным занимались распространением аудиозаписей пропагандистского, антисоветского содержания, нарушая запрет на проповеди вне стен культовых помещений. Ко всему этому примешивался некий раскол в самой РПЦ, зафиксированный известным письмом (ноябрь 1965 года) Патриарху Алексию I от священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина (подробности, на-

пример, в третьей главе работы Алексея Федотова «РПЦ в 1943-2000 годы», выложенной на сайте azbyka.ru)

Коалиция тянувшихся друг к другу «несогласных» мирян и клириков воспринималась Советским руководством как сектантская угроза. Тем более, что такие «подпольщики» почти всегда присоединялись к общей «диссидентской движухе» по стране и за рубежом, что однозначно квалифицировалось властями как прямая антисоветчина. Да и «официальная» РПЦ склонностью к реформам не отличалась. В конце семидесятых репрессии против тогдашних «обновленцев» усилились...

Итак, что мы имеем в 1981-ом? Мне — 1 год. Кровавую гэбню я пока не интересую, поэтому она борется с внутрицерковной фрондой, поддерживаемой небольшой стратой общества. Жена священнослужителя во всю работает преподавателем иностранных языков в пединституте, который три года назад закончила моя мама.

Адептка научного атеизма из того же ВУЗа, терзавшая студентов губящими душу лекциями и семинарами, почему-то не проявляла должной бдительности и даже ни разу не поинтересовалась у маминых сокурсников: какие конфессии они представляют. Случаев отчисления за сам факт принятия Православия за время обучения в альма-матер моя родительница тоже не припомнила.

Аналогичными воспоминаниями поделились и другие, опрошенные мной, свидетели эпохи, состоявшие в 1970-1980 годы студентами в региональных, московских, ленинградских высших учебных заведениях. Все они были вынуждены взаимодействовать с воинствующими безбожниками при академических должностях. Желая поскорее избавиться от моих занудных расспросов пресыщенные разнообразием жизни представители старшего

поколения приводили в пример не поступивших в престижные столичные учебные заведения евреев, исключенных из комсомола дебоширов, автоматом лишившихся права козырять зачёткой... «Да я сам всё это знаю! Верующих, верующих-то изгоняли?!» — бил мой срывающийся голос по барабанным перепонкам пожилых людей, затравленных необычной темой телефонного разговора. Но в ответ мне, как говорится, неслась тишина.

Ладно, думаю. Спишем итоги мини-соцопроса на ничтожную репрезентативность выборки, дремучесть провинции и широту московских взглядов. Может, сталинские недобитки успели основать трибунал Красной Инквизиции на базе КГУ?

Внутриполитическая картина УССР к 1980-тому году отличалась от РСФСРовской. Проказник Хрущев параллельно с новой антиклерикальной волной запустил процесс реабилитации лиц, связанных с ОУН. Такие граждане начали возвращаться на историческую родину не только из лагерей, но и с территории других государств, где находились в эмиграции. К началу восьмидесятых представители этой группы советского общества в достаточном объеме трудились в партаппарате и органах исполнительной власти, особенно в западных областях.

Украинская советская республика, начиная с хрущевского периода, всегда претендовала на особый статус. Не будем сейчас вдаваться в детали, кому интересно — гугл в помощь, информации море. И религиозная, так скажем, ситуация в УССР несколько не совпадала с «общей температурой» по стране. Откуда-то я помню, что большинство действующих храмов и приходов находилось как раз в пределах украинской республики. Объяснение банальное, опять без метафизики. Оттяпанные большевистски-

ми упырями в 1939 году у страны-пацифистки Польши земли, в силу понятных причин, не могли подпасть под первую волну советской антиклерикальной кампании.

«Кафедра научного атеизма Львовского Университета (открыта в 1964 году) плотно разрабатывала тему «Причины существования, характер религиозности различных слоев населения западных областей Украины и пути преодоления религиозных пережитков», проводя собственные социологические исследования, и участвуя в исследованиях других атеистических и партийных структур. Значительное внимание уделялось сотрудниками кафедры критике сектантства и униатства». Именно так указано в статье Анны Марии Басаури Зюзиной (можем же, когда захотим, любого неказистого доктора Айттербоймера красиво за пояс заткнуть) и Олега Сергеевича Киселева «Сборник «Вопросы атеизма» как источник по истории советского религиоведения».

Интересный нюанс, отдел атеизма Ивано-Франковска опросил 28 600(!) человек в рамках исследования «обыденного сознания верующих», как я понимаю, из «различных слоев населения». Прислужники государственного безбожия, укоренившиеся в Киеве, тоже зачем-то 2 000 человек интервьюировали. Среди опрошенных что ни одного студента не было? Или только бабушек и селян помогались? К этим гражданам санкции «за веру» не подразумевались, пусть загнивают во мраке предрассудков. А если угодил в сатанинские сети хоть один смиренный студ, то как потом с ним поступили? Направили в деканат забирать документы, выдав в качестве компенсации путевку в оздоровительное учреждение карательной психиатрии?

Кафедра истории и теории научного атеизма Киевского Ордена Ленина государственного университета имени Т. Шевченко чёрт знает чем только ни занималась (кому

интересно, обратитесь к статье великолепной Анны Марии), но вот сведений о закрепленных за ней репрессивных функциях мне не попадалось...

Чего же так боялся первокурсник Водолазкин, оказавшись в допросной аудитории Красного Торквемады, решившего покопошиться «тонкими и черными, как юмор товарища Сталина» пальцами в еще не окончательно прибранных атеизмом юных душах? Почему студент Евгений так страшился озвучить незначительный уровень собственной погруженности в религиозный процесс? Чем мог навредить в идеологическом плане ЭсЭсЭсРу образца 1981 года слушатель русского отделения филологического факультета КГУ, тихий верующий, скрывающий от общества даже свои посещения объектов культа? Или филологи тогда проходили особый отбор? Их, что, тайным указом приравнивали к чекистам — «передовому отряду Партии»?

С какой радости руководство ВУЗа примет решение о незамедлительном отчислении «за веру» простого обывателя, не участвующего в религиозной пропаганде? Будущий Патриарх Пимен на допросе ОГПУ в 1932 году не скрывал, что он — «человек глубоко верующий, с малых лет воспитывающийся в духовном духе». Первый раз его отпустили, даже призвали в армию, в 1937 году снова арестовали и отправили строить канал Москва-Волга. Летом сорокового года Пимен поступает на литературный факультет Андиганского вечернего педагогического института, а чуть позже становится преподавателем(!) и завучем(!!!) Андиганской школы № 1. У контролирующих органов отсутствовала уверенность, что отсидевший поп верит в Бога?

Согласен, нельзя подходить с одной меркой к разным историческим периодам, и все же. Накал антиклерикаль-

ной борьбы в двадцатые-тридцатые годы однозначно превышал аналогичные усилия, прикладываемые государством на закате брежневского правления. Например, в «семидесятые» во время ночной пасхальной службы перед храмами, церквями во многих населенных пунктах могли выставлять небольшие кордоны из милиции и дружинников, которые старались не допустить в культовые сооружения интересующую молодежь. Но ничто не мешало прийти на следующий день.

Сколько верующих студентов вообще числилось в учебных заведениях по всему Союзу и, особенно, в УССР? Задаваясь этими вопросами, как заставить забыть себя столь любимые рассуждения господина Познера и примкнувшего к нему писателя Водолазкина о несчастной стране, где «половина сидела, половина охраняла, половина доносила»?

Институт «доносительства» в позднем совке никуда не делся, также как и в нынешней свободной России, ведь задача спецслужб — неустанно бдить. Информаторы водились в любой среде, церковно-приходская и студенческая не исключения.

К примеру, сегодня ты умалчал о степени своей воцерковленности интересующемуся преподавателю, а завтра за бутылкой портвейна «Три семёрки» растрепал об этом общажному стукачку — тяга к общению свойственна молодости. Или примелькался периодическими (не обязательно частыми) посещениями храма осведомителю-церковнику. Те «куда надо» донесли, пришла информация в универ, тебя отчислили. Получается, и душу дьяволу задарма скинул и волчий билет отхватил — лох, чё!

Один вопрос остается — где сведения о массовых-массовых отчислениях «за веру» из ВУЗов хотя бы в 1978-1982 году? Сдается мне, таких сведений нет, иначе бы

мои любимые историки из общества «Мемориал» ими весь Интернет закидали и с десяток книжек слёзных напечатали. Мемориаловские деятели в подтвержденных статистических данных обычно не нуждаются, сами любые цифры нарисуют, главное, тему правильную подкинуть в разработку.

А вот каждый отдельный случай исключения учащихся из университетов и институтов за религиозные убеждения необходимо разбирать в деталях. Уверен на 99 процентов, что всё окажется не так просто, как нам пытаются насвистеть выверено-вкрадчивым, усыпляющим разум голосом господин-гипнотизёр Познер.

Мэтр просто так ничего не делает: он притягивает «мемуарный анекдотец» писателя Водолазкина для лже-исторических глобальных обобщений при сотворении очередного мифа про «кровавый совок». В данном случае — о повальных репрессиях в отношении советского студенчества «восемидесятых» по религиозному признаку.

Из таких вот «агиток-яхинок» (обобщённо названных мной в честь «писательницы-добросовестного исследователя»), шустро склёпанных на условно-познеровской колёнке, и формируется пропагандистский массив лжи и мракобесия, которым травят, отупляют, заставляют отказаться от права на собственное мнение каждого члена российского общества.

Еще раз выскажу мнение — не стоит воспринимать господина Познера, как бывшего советского пропагандиста, вовремя почувшавшего куда дует ветер. Поговорка: «И вашим и нашим за бюджетную копейку спляшем, а за олигархический пятак спляшем и не так» — совсем не про него. Любитель французской кухни и всего французского — предельно опасный, достойный, «играющий в

очень долгую» противник России. Прекрасно понимают это и кураторы Мэтра из числа наших соотечественников, почему и держатся с ним почти на равных.

Неужто вы всерьез думаете, что Владимир Владимирович (Познер) вдруг срочно возжелал опозорить свои седины общением под видеозапись, например, с Юрием Дудём? У Дедушки Вовы, умудренного светлым рассудком и годами, жизнь удалась задолго до появления на свет дремучего, как колымские леса, хочунчика Юрца. Но Мэтр, по высокой просьбе и собственным мотивам, взваливает на свои плечи тяжелое бремя по облагораживанию облика полезного идиота и стойчески, с улыбкой на волевом лице выдерживает многочасовое общество совершенно необразованного, примитивного, а потому особенно неприятного ему наглого щегла.

Писатель-лавроносец Водолазкин, еще и признанный специалист мирового уровня по древнерусской литературе. Это как-то придает исторической достоверности его мемуарной байке, где студентов в 1981 году могли толпами изгонять из ВУЗов, на основании того факта, что они «тихие» верующие? Не религиозные диссиденты или активные антисоветчики.

Уважаемый Евгений Германович, давайте отринем мои историко-политические реконструкции и вместе ответим на банальные, житейские вопросы. Во-первых, как Вы очутились на парах по научному атеизму, будучи первокурсником? Запретного плода вкусить не терпелось? Не мне Вам объяснять, что такие порывы ничем хорошим не заканчиваются. Или Вас «разглядели» и отправили обучаться ремеслу академического безбожия на пару лет раньше одnogруппников? Понимаю, талантливый человек, талантлив во всём — заправили Вам, так сказать,

в планшеты космические карты. Тогда, выходит, философию и историю КПСС (странное увлечение для молодого верующего) Вы постигали с восьмого класса самостоятельно, потому как без знания этих дисциплин при изучении научного атеизма ловить нечего.

Красные дипломы (как у Вас) не подразумевают «троек». При поступлении в КГУ Вы внутренне смирились с тем, что придётся вникать в еретические тексты? Это разве не отказ от веры? За подобное некоторые не попадут в ад? Я просто не специалист, не в курсе. Решили перестраховаться и не сообщать, что являетесь прихожанином. Согласен, лучше перебздеть, чем недобздеть, особенно, когда имеется ощутимый шанс, по Вашим же словам, принять «мученическую участь» — соврали б, делов-то, все равно, так и так ступать на скользкую дорожку внутреннего нравственного компромисса. Православный Бог милосерден, на проступки похлеще сквозь пальцы смотрит.

Допустим, господин Познер умышленно упускает некоторые обстоятельства, пересказывая Ваш мемуар, но Вы сами всю дорогу одобрительно поддакиваете ведущему, а я — простой зритель, в своих суждениях отталкиваюсь от услышанного и увиденного, бросаться изучать Ваше творчество, ради уточнения деталей, совершенно не обязан.

Может быть, в Киевском универе существовала особая практика — к первокурсникам отряжали преподавателя научного атеизма, чтобы он «прощупал молодняк», а заодно и подготовил списки неблагонадежных. Советую держаться этой версии, она хоть и предельно натянутая, но смахивает на правдоподобную. Наверняка найдутся люди, готовые с пеной у рта доказывать, что сами находились в схожей ситуации, причем, в Одесской семинарии.

Хотя вариант с засылом препода для «прощупывания» тоже совсем плох. Подавляющее большинство учащихся КГУ — комсомольцы. Вопросам членства в ВЛКСМ в Киевском университете образца 1981 года действительно уделялось большое внимание. Но спрашивать у представителей молодежной коммунистической организации, верующие они или нет — довольно глупо. «Официально» от веры они отреклись при «вступлении в ряды», так сказать. По мнению Ирины Дьяковой, которую сложно заподозрить в трепетном отношении к советскому прошлому и недостаточной степени воцерковленности: «Вера несовместима с пребыванием в комсомоле».

Обратимся к воспоминаниям госпожи Дьяковой от 14.06.2013 на сайте nsad.ru (или sbhram.ru) Она и её муж в рассматриваемый период являлись активными религиозными диссидентами, антисоветчиками, находящимися под наблюдением у органов(!), вплоть до прослушки домашнего телефона. Сын(!) Ирины, Андрей, проходя в 1981 году обучение на пятом курсе мехмата КГУ, приверженности Православию не скрывал, регулярно посещал церковные службы ещё будучи первокурсником, носил нательный крест (это вряд ли оставалось незамеченным, например, в процессе обязательных занятий по физкультуре). Отказывался молодой человек и от вступления в ВЛКСМ. За последнее, а не за сам факт своих конфессиональных предпочтений регулярно принимал «мученичество» в виде бесед с комсомольским активом. Из универа его никто не отчислял, но совокупная позиция парня всё равно выглядит достойно.

Опять ответственные товарищи прозевали? Имелись сомнения, что Андрей — верующий?

«Вот те на! — скажет удивленный читатель. — Что ж ты нам, паскуда нудная, полтора часа голову елозишь

своими рассусоливаниями да историческими экскурсами. Сразу бы всех этих познеров-водолазкин размазал мемуарами яркой антисоветчицы, уважаемой православной деятельницы и дело с концом!»

Спрашивали, отвечаем. Мы, сталинисты-начётчики, народ такой — на слово, если вопрос не касается личных отношений с друзьями и знакомыми, никому не верим. Даже товарищу Сталину. Повторюсь, нам факты (хотя бы «косвенно подтверждающие») и цифры подавай, а там и мемуары очевидцев с разных полюсов политического процесса полистать можно, не забывая оценивать авторов на предмет достоверности и неангажированности при описании событий прошлого.

Вдруг Ирина чего путает за «давностию лет» или в тайные ленинцы записалась и скрытую пропаганду ведёт под личиной православной активистки со стажем, преуменьшая степень людоедкости красного режим рассказами про сына. Но «общее сходится с личным», и причин не доверять ее воспоминаниям нет. Кстати, Андрей в итоге пострадал за религиозные убеждения, но не свои, а родительские, что неудивительно, учитывая семейные обстоятельства. Кому интересно, ссылка выше.

Как иначе опровергать очернительскую и любую другую ложь, извергаемую сотнями глоток или клавиатур искусственно создаваемых «лидеров общественного мнения»? Только попробуй публично, без подробного обоснования заявить, что «признанные авторитеты» Вова с Женей, в своих злокозненных и личных интересах, несут от вольного очевидную дичь про поздний СССР, сразу поднимется хай: «А ты кто такой?! Цифры и факты ему подавай! Расчехлился сталинист-начётчик очередной, расстрелять бы вас сволочей без суда и следствия!» Срач

в любом случае запылает, но, может быть, хотя бы пара человек, ознакомившись с моими аргументированными доводами начнет задумываться о том, что в окружающей действительности что-то не так.

Студент Водолазкин, судя по красному диплому и поступлению в аспирантуру, состоять в комсомоле очень даже мог. Если он оказался там ещё в школе, а пройдя обряд Крещения, рядов ВЛКСМ не покинул, то в чем проблема соврать какому-то не в меру деятельному идиоту? Позиция внутреннего компромисса уже принята. А если не вступал, то в чем «крест»? На ковер к комсомольскому активу попадать периодически? Согласен, пропаганду выслушивать — дело неприятное. Но у нас на всю страну Гузель Яхину и «Оправдание острова» пропагандируют и ничего, справляемся, «несём и принимаем», так сказать.

Однако остаются непоясненными самые жуткие обстоятельства мистерии от Евгения Германовича — куда неустановленный гражданин, посланный ему во вспомоществование высшими силами, уволок нечестивца, сподвигавшего к ереси неокрепшие юные души?! Меня терзают самые мрачные предположения...

Позволю себе ещё раз процитировать водолазкинские откровения:

«Я и тогда понял, и, тем более, сейчас понимаю, что всё случившееся было явным действием божьим. Господь меня спас, причем не потому, что я такой хороший, а, наоборот, понимая, что я слаб, не готов к мученичеству, что такой крест мне пока что не по плечу. Заодно Он дал мне возможность трезво взглянуть на себя.»

Разночтений быть не может, писатель утверждает, что обрел спасение. Напрашивается вывод: по вопросам ве-

роисповедания молодого Евгения больше не беспокоили. Примем за данность навсегда растворившегося в районе деканата первого преподавателя-искусителя. Но общий расклад менее странным не становится. Почему научные атеисты довольствовались неполной выборкой и оставили неопрошенных первокурсников в покое? Вдруг среди них оказались кандидаты на отчисление? Вопрос для руководства ВУЗа важный и значимый — это прямо вытекает из утверждений господина Познера и писателя Водолазкина. Отречение от веры студента Жени выглядит неизбежным. Повезло отскочить сегодня, но спросят завтра.

Если принять «познеро-водолазкинский» канон обсуждаемого здесь мемуара Евгения Германовича, единожды убереженного высшими силами от адского огня, то единственным средством дальнейшего сохранения душевной чистоты будущего писателя (а он её сохранил), являлся честный ответ о собственных религиозных предпочтениях насылаемым Преисподней научно-атеистическим псынам.

В голове сразу рисуется образ чуть не оступившегося комсомольца Водолазкина. Возмужавший молодой человек, выбравший путь борьбы за свои убеждения через отрицание шкурных интересов, заслуживает уважение. Он готов принять мученичество утраты студенческого билета и бескомпромиссно обнажить плечо, дабы нести крест в форме справки об отчислении из ВУЗа от дверей деканата до выхода из КГУ. Не Патриарх Пимен, конечно, но тоже недурственно. Уместно-торжественно, хорами зазвучит сейчас один из главных девизов ВЛКСМ:

«Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими!»

Красивая, вдохновляющая история! Но как добросовестный исследователь я вынужден представить и точ-

ку зрения касательно мемуара Евгения Германовича тех граждан, кто не согласен с историко-политической трактовкой реалий позднего СССР от Водолазкина, поддержанного господином Познером (и наоборот). Таких людей часто относят к завистникам и недоброжелателям известного литературного деятеля.

Если послушать этих неодоухотворенных циников, то может сложиться мнение, что писатель-веростоятель Водолазкин сию философско-теологическую мемуарную притчу создал в более зрелом возрасте, возможно, уже не будучи студентом. Ибо присутствовала необходимость (предположительно, и внутренняя) как-то оправдать обладателя «красного диплома» с пятеркой или четверкой по научному атеизму, костерящего совковую тюрьму народов и пишущего книжки с глубоко-религиозными подтекстами. В советских ВУЗах и других обязательных для изучения марксистско-ленинских дисциплин водилось достаточно. Не исключено, что на разных этапах жизненного пути Евгению Германовичу встречались не к месту ёрные господа и товарищи, салютующие при каждом удобном случае, на манер Остапа Бендера, вопросом: «Ну, как дела? Почём нынче «опиум для народа»?»

Я ничего плохого в байках, том числе и мемуарных, не вижу. Сам, знаете ли, люблю развлечься подобным, рассказик какой-нить неоднозначный от своего лица тиснуть, последить за реакцией слушателей, так сказать. Но приходить к главному интервьюеру страны, где на многомиллионную аудиторию в корыстных целях и, чтобы сохранить лицо, поддерживать очень спорные глобальные исторические обобщения с подачи ведущего, попутно пропагандирующего ваши общие взгляды, — это уже перебор. Заниматься таким — ставить под большое сомнение публики (как минимум, её части) всё то, что ты делаешь.

Гражданин Водолазкин не обязан восхищаться коммунизмом, капитализмом и вообще чем — или кем-либо. Но выглядеть объективным мыслителем, в первую очередь, в его интересах. Творчество Евгения Германовича несёт в себе проповедь, он затрагивает тему Бога, вечности, времени, человеческой души... Это накладывает дополнительную, высочайшую ответственность, концентрирует внимание читающей общественности на личных качествах автора. Как мне, простому читателю, относится к писателю-проповеднику, если он ради творческих и, в первую очередь, личных задач готов всё верующее студенчество позднего СССР из ВУЗов изгнать. А завтра что? В цитаты из Ветхого завета правки начнём вносить, чтобы наши тексты и идеи убедительнее выглядели?

Поправь гражданин Водолазкин уточнением в глобальных вещах разошедшегося в полемическом, антинародном задоре господина Познера, и вопросов никаких. Переведи «на личное», как говорят в таких случаях. Признай, что немного (да хоть и много) присвистел когда-то для красного словца, и нет вопросов. Сам указал на свою ошибку, заработал уважение в глазах зрителя и дальше продвигаешь свои тезисы. Сплошной вин-вин. Я бы даже внимания не обратил на рассказы про «мученичество и крест», а так, уж извините, но смешно выглядит, не тянет на сюжет с концовкой в виде ниспосланного свыше откровения. Не складывается в притчу...

Давайте уже оставим в покое младоволазкинские терзания и вернемся к давно поставленному на паузу фрагменту видеозаписи беседы Владимира Владимировича и Евгения Германовича, ещё не подозревающего, что через пару минут он станет жертвой более крупного интеллектуального хищника.

Для начала господин Познер усыпляет бдительность писателя Водолазкина, занимая соглашательскую позицию. В ход идёт упоминавшийся мной выше мемуарный рассказ про чмырнутого на почве кукурузного невежества препода-сталиниста. Затаивший злобу педагог порекомендовал студенту Вове серьезно готовиться к экзамену. Неприятная ситуация. Житья от этих лакеев красной идеологии порядочному человеку нет — то шуток не понимают, то в геену огненную подтолкнуть норовят.

Студент Познер хоть и осознает, что после преподавательских намеков шансы сдать экзамен минимальны, не отказывается от борьбы, зубрит матчасть и уповает на чудо. Как это у нас, марксистов, говорится: «На Бога надейся, а сам не плошай». И за своё неsgiбаемое упорство Владимир Владимирович будет вознагражден. В день экзамена он бросает дополнительный вызов судьбе и с гладиаторским шиком выходит на арену с полным сил врагом-экзаментором первым, в компании ещё двух человек. Погибать, так с музыкой. Студенты берут билеты и начинают готовиться...

Через какое-то время аудиторная дверь открывается и заходит...(!) неизвестный гражданин. (Ведь ни одна ах... до чего чудесная история без такого персонажа не обходится.) Преподаватель отрекомендовал визитера присутствующим в качестве завкафедрой марксизма-ленинизма Райского. Янг-Познер почему-то не знает в лицо человека, чьи подчиненные несколько семестров ведут у него пары. Так всегда бывает.

«Какая хорошая фамилия!» — с благодистой улыбкой поддакивает полностью разомлевший и готовый к употреблению собеседником писатель Водолазкин...

Завороженный смертельным танцем хищника и жертвы я позабыл, что смотрю видеозапись и, не выдержав

изуверского коварства Мэтра, закричал в Вечность, пытаясь изменить неизбежное прошлое: «Евгэн, тікай с городу, тоби пи... !»

Вместе с появлением товарища Райского, сообщившего, что он тоже не прочь попринимать экзамен, помочь коллеге, начинается хэппи-энд. Диалектически подкованный студент Вова блестяще отвечает по билету, срывая орации заведующего кафедрой. Дважды униженный сталинист-упоротыш отказывается ставить свою подпись в зачетке, ведомости и становится трижды опчмырнутым: его начальник берёт инициативу в свои руки... Хороший, «тёплый» сюжет, хоть кино снимай.

Хищник Познер, завершив обманный маневр-рассказ схожей с водолазкинской мемуарной историей, резко меняет поведение и, совершая разящий выпад, начинает забивать жертву вежливыми, уважительными тирадами, вся суть которых сводится к тому, что его собеседник — мракобес.

Владимир Владимирович, если вкратце, просто гвоздит гостя следующими высказываниями. Никакой божьей помощи не бывает, так как бога и дьявола не существует — всё это «смешно». И очень странно, что человек «ума и глубины» Водолазкина объясняет банальное стечение обстоятельств какими-то бабушкиными сказками-притчами.

Ошарашенный «вот это поворотом» Евгений Германович растерян и ничего не может понять. Ведь хорошо полчаса сидели, большевиков проклинали, умственно общались, и тут ТАКОЕ... Но взалкавшего погигбели христианской души научного атеиста Познера уже не остановить, он заносит руку для последнего, коронного удара, ненавязчиво предлагая согласиться Евгению Германовичу, что в студенческие годы тому просто «сказочно повезло».

О боги живые и мертвые! Зачем вы наделяете нечеловеческим коварством земных приспешников Вельзевула! Неподвластная моему пониманию ирония! Познер искушает Водолазкина: признай хоть на секунду «материалистическую» суть стечения обстоятельств и отречешься от веры. А это сами знаете, к чему ведёт. Да... Научные атеисты всегда возвращаются за своей добычей!

Ловушка захлопывается, уничтоженный напором оппонента Евгений Германович в попытках отмазаться внезапно выдаёт вполне перекликающееся с теорией вероятности определение везения как нарушения логического хода событий. Никакой помощью высших сил и не пахнет. Владимир Владимирович довольно улыбается, дело сделано — добавилось работы адским кочегарам.

Списанный в духовный утиль Водолазкин еще трепыхается, заводит унылую шарманку со своими любимыми невинным умствованиями (перескакивающими с темы на тему) и пытается пространным намёком соорудить монструозный конструкт из логики и чудес божьих, цитируя Честертона: «Почему наши ученые так удивляются тому, что Бог создал всё из ничего. Им легче считать, что всё возникло из ничего в результате собственных усилий». Познер в цвет угорает от такой, мягко говоря, размытой аргументации и явно борется с желанием задать писателю Водолазкину вопрос: «Ты чё, в натуре, debil?»

Но Мэтр, потому и «Мэтр», что всегда держит марку и, не прекращая посмеиваться, лишь повторяет: «Остроумно... ну, остроумно! Но все-таки?». Почти закончившийся Евгений Германович мямлит дальше, но господин Познер, дабы посланный ему гость окончательно «не обнажился», грубо перебивает собеседника: «Поразительно! Это поразительно! Я Вам должен сказать, что я... А я и хохотал, надо сказать честно!» Раунд! А то мы не видели,

Владимир Владимирович! Вволю поглумившись над очередным, нужным ему идиотом (лично я такого отношения к ученику академика Лихачева категорически не разделяю), ответственный профессионал возвращается к реализации поставленных задач, переходит от затронутой темы религии к лёгкой критике РПЦ и далее по списку...

Скажите мне, как не восхищаться человеком, сохранившим к своим годам такую остроту ума, усиленную гигантским жизненным опытом, способность к мгновенной импровизации? История с чудесным появлением товарища Райского, конечно, отдаёт неким душком. Господин Познер и сам признавал, что в университет он поступил благодаря связям отца (хоть и набирал проходной бал, но брать его в МГУ почему-то не хотели). Мне кажется, что и успешная сдача экзамена заведующему кафедрой наперекор воле преподавателя, отказавшегося расписываться в зачётке, не обошлась без предварительных договоренностей. У нас тоже родственники в системе высшего образования СССР работали, представление о внутренней кухне присутствует. Но какое это имеет значение. Вы оцените красоту игры!

Однако не хочется на основании пятиминутного, пускай и очень подробно разобранный фрагмент часовой передачи составлять мнение о культурном значении программы «Познер», претендующей на высокий уровень интеллектуального содержания — Владимир Владимирович приглашает для беседы лучших, достойнейших людей страны.

Поостережемся делать скороспелые выводы и о творчестве, духовной значимости, ценности идей писателя Водолазкина. Сориентироваться в этих очень непростых вопросах, требующих серьезной аргументации при озвучивании позиции, мы попробуем в следующей части.

III.

Неугасимая творческая лампада писателя Водолазкина

«Надо понимать, что в эту войну их привело не желание воевать, а приказ, обстоятельства, судьба, и они воевали, уже тогда испытывая очень горькие чувства».

Е.Г. Водолазкин
о солдатах гитлеровской Германии

Покончив с разбором пятиминутного отрывка беседы Познера с Евгением Германовичем, я, дабы освежить свой «эстетический вкус» (ещё одно меткое определение писательницы Татьяны Соломатиной), сходил до фамильных погребов в дворовом сарае за парой баночек раритетной польской водки «Black Death». Пришлось ненадолго задержаться в хозяйственной постройке — протереть от пыли ростовой портрет Бориса Николаевича Ельцина, прислонённый к одной из стен. Вдруг «наши ещё вернутся», хотя они вроде никуда и не уходили...

Совмещая употребление пойла, испепеляющего желудок, легкие и душу, с просмотром нового сериала от ТНТ «Девушки с Макаровым» удалось забыться сном. На дежурство в моей черепной коробке заступили стоматолог-нацист Айтмербоймер и прелестница Эрнестина. Закружившись вихрем в демоническом танце, они то приближались, то удалялись от моего внутреннего взора, зловеще-протяжно шепча: «»Отвяжиссссссььь, отвяжиссссььь...»

Проснувшись и не понимая, какое время суток за окном, я решил отсрочить неизбежное похмелье запоздалой

закуской. Еды у настоящего русского писателя в холодильнике, по обыкновению, не водилось. «Беседой Познера с Водолазкиным закушу, всяко лучше, чем ничего...» — поток сознания подсказал выход из сложившейся ситуации и направил мой обреченный нравственно страдать организм к опостылевшему ноутбуку...

Приступим к дегустации предлагаемой нам пищи для ума с первых блюд-минут программы «Познер» от 06.06.2016. Французский поданный решает с ходу поокормить российский народец, напомнив об ужасах сталинизма и необходимости для каждого проклинать 1917 год как главное Несчастье в истории отчизны. Ведь это утверждает сам академик Лихачев, а вот как раз у нас для вас и его главный ученик, тоже доктор наук, писатель романа «Авиатор» про приличного человека, замороженного красными живодерами в рамках чудовищного эксперимента, состоявшегося в первом советском концлагере на Соловках, созданном по наказу Ленина.

Несокрушимая Мощь... Доктор Геббельс чокается с сатаной за здоровье продолжателей его дела, а вжавшийся в диван среднестатистический зритель (подальше от источника накала разоблачений) осознает, у кого доктор Менгеле понабрался идей для опытов над людьми. Мы же давайте переведем дух и попробуем разобраться в том, насколько соотносится с исторической реальностью то, чем «размяли губы» (по меткому определению писательницы Яхиной) за первые неполные три(!) минуты(!) эфира антинародные деятели Познер и Водолазкин.

Поймите меня правильно, на детальный разбор всей пропагандистской жути, нагроможденной Владимиром Владимировичем и Евгением Германовичем по ходу эфира только одной телепередачи, уйдут годы. Поступим

проще. Формату пропаганды, подкреплённой необоснованными измышлениями-обобщениями и мемуарными историями фашистских пособников, я противопоставлю язык факта, подкреплённый логикой. Выводы делайте сами, но оставляю за собой право на оценочные суждения.

Итак. В интервью сайту ГодЛитературы.рф в апреле 2016 года Водолазкин указывает своим основным творческим и историческим источником по Соловецкому лагерю особого назначения (СЛОН) художественно-мемуарную книжечку «Неугасимая лампада» (свободно продается на Литресе, Лабиринте и так далее) фашисткой подстилки Борьки Ширяева, яркого врага советской власти.

Осуждать за неприятие большевизма сына родовитого помещика и офицера Российской императорской армии абсурдно, а вот его активное пособничество фашистским оккупантам на ниве печатной пропаганды для унтерменшей во славу Рейха оправдать невозможно. Он и сам это прекрасно понимал, отчего поэтапно драпал вместе со своими хозяевами аж до Северной Италии, перебиваясь привычным заработком нацистского пропагандиста-газетчика, главреда... Говорят, после войны переобулся в католики. Ну а чё, вдруг бонусы какие появятся, ведь Православия тамошняя «повесточка» не включала.

Дожив до 1950-го года, Борис Николаевич, литературно состоявшийся на творческом пути, озаренном светом ламп с абажурами из человеческой кожи, решает сыграть по крупной и выдаёт «Неугасимую Лампаду». В этом произведении, например, комендант СЛОНа Ногтев, независимо от настроения и степени алкогольного опьянения «без промаха» шмаляет через окно служебной квартиры (иногда сторожевой будки) из карабина по лагерным обитателям. Ничего не напоминает? «Список

Шиндлера» все смотрели? Умел пропагандист Борька грамотно переработать рутинные будни своих господ арийцев.

Для убедительности повествования Ширяев прикидывается богобоязненным христианином. Эта мразь, кстати, объявлена Википедией «русским писателем». Почитайте фрагмент одной из последних глав “Неугасимой лампы” — «Лампада теплится»:

«Началась война, пришли немцы. Институт был закрыт. Я выпускал и редактировал первую и самую крупную из выходивших на Северном Кавказе свободных русских газет (цензура немцев касалась лишь военного материала). Бывшие студенты скоро нашли дорогу в редакцию. Статей приносили мало, но много писем, вопросов, требований... и, конечно, стихов!

Маски спали. Чары оборотня на короткий, только пятимесячный срок потеряли силу для нашего города. В наскоро оборудованных церквях говели, каялись, исповедывались и причащались. В редакцию несли письма. В большинстве спрашивали, в некоторых тоже исповедывались. Иногда не желали показывать свои лица, приносили, оставляли у входа и скрывались.

Требовали ответов на самые разнообразные вопросы, начиная от бытия Божьего и кончая правилами хорошего тона («СТЫДНО ВЕДЬ ПЕРЕД НЕМЦАМИ, А МЫ НЕ ЗНАЕМ»...) ВО МНОГОМ И КАЯЛИСЬ. Чаше всего в грехе вынужденной лжи и другим и себе самому.

И во всех этих письмах, вопросах, исповедях светилось вновь вспыхнувшее бледное пламя лампы последнего соловецкого схимника, пробудившейся и оживающей совести — неугасимой лампы Духа».

Неплохо так лампада затеплилась в 1941-ом, только говеть и стыдиться оставалось.

Я давно заметил: самые страшные черти с рогами и копытами норовят натянуть рясу и спрятаться за крестом.

Следующая глава посвящена прославлению власовцев, отдельной восторженной оды писателя удостоился генерал Краснов, руководитель созданного фашистами ГУКВ, зачем-то отпущенный большевиками в семнадцатом году под честное слово не воевать с ними. Очень фюрера любил, интересовался, как у того здоровье после покушения, обещал дальше с утроенной энергией мочить «жидов и комуняк», лишь бы Адольф не болел (газета «Казачья лава» от конца июля 1944 года).

Отзыв господина Водолазкина о ширяевских писаниях в упомянутом интервью сайту ГодЛитературы.рф по поводу выхода романа «Авиатор»:

«Среди основных текстов, на которых основывались Захар и я, — «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева. ЭТО ПОТРАСАЮЩАЯ КНИГА. СОВЕРШЕННО УДИВИТЕЛЬНАЯ. Несмотря на то, что она описывает соловецкие страдания и ужасы, читателя не охватывает чувство безнадежности.»

Общая характеристика СЛОН от Евгения Германича:

«Соловки — это не просто особая страница в истории нашей страны: ЭТО СВОЕГО РОДА МОДЕЛЬ РОССИИ. Потому что всё там было доведено до предела: и святость, и злодейство. Когда приезжаешь туда, понимаешь, что ад и рай могут находиться рядом друг с другом. Соловки — единственная, может быть, точка на Земле, где это так очевидно.

Соловки — это в высшей степени метафизическое место. Это не только метафизика света, но и метафизика тьмы, потому что дьявол — это такое же метафизическое существо, как и Бог. И имеет вполне реальные проявления. Когда я начинал работу над соловецким материалом, я думал, что белое и черное распределятся совершенно понятным образом: монастырь — свет, концлагерь — мрак. Действительность оказалась сложнее, и в монастырский период была осада Соловков, окончившаяся страшными казнями. С другой стороны — люди, помещенные в лагерь, проявляли порой такую высоту духа, о которой в тех условиях и помыслить было трудно.»

(Захар Прилепин, кстати, в многочисленных интервью упоминает, что Соловецкий монастырь и в прежние века всегда был тюрьмой с подземными камерами для государственных преступников. Странное вместилище света выбрал доктор наук. Разовой массовой казнью монахов дело не ограничивалось.)

Герр Водолазкин, дабы выглядеть поумнее (он это любит) своего духовно-творческого гуру Ширяева, просто берет его тезисы и слегка развивает. Патриотичный нарцисс... Не отдаёт ни слога родного слова фашистским оккупантам и их пособникам!

Текстовой основой-субстанцией для водолазкинских откровений «про рай и ад» автор «Лампады» под конец произведения щедро обмазывает читателя через долгий разговор трёх «правильных и хороших» войнов-коллорационеров (которые генерала-атамана Краснова сильно любят, а Гитлера и Власова не очень). Если вкратце (цитата):

«— Ненависть и любовь — две стороны одной и той же медали. Они неразрывны. Через ненависть — к любви! ...

— Мы боролись, и мы повержены... конец!

— Нет, не конец еще! Мы повержены потому, что мы мало любили и недостаточно ненавидели! Надо любить... И густеет уже, темнеет уже эта кровавая любовь, вскипает, настаивается на ненависти...

— Где?

— Там! — указал Давиденко рукою в сторону, противоположную заходящему солнцу. — На всероссийской Соловецкой каторге... Только там! Оттуда — сквозь ненависть — к любви!»

Как мы видим на примере многих сегодняшних литературных и общественных деятелей, «кровавая любовь» к светлomu делу геббельсовской пропаганды действительно никуда не исчезла, а вскипела, настоялась и уже тридцать пять лет обильно разливается по страницам перестроечной и российской художественной литпродукции. Прочно укоренились последователи фашистской идеологии и на телевидении, радио, в интернет-пространстве, печатной прессе...

Александр Исаевич «остыть» нужному делу не позволил, вовремя подогрев «Архипелагом ГУЛАГ». Интересный нюанс, у Ширяева — Николай Сергеевич Давиденко, ученик академика Павлова (куда ни ткнишь, одни академики с ученикам), поручик РОА (старлей), соловецкий сиделец позднего периода, «невинно осужденный по доносу завистников». «С каторги» его забрали в РККА как лейтенанта резерва, «храбро сражался под Минском и попал в плен тяжелораненым», «одним из первых вступил в РОА», где его отправили заниматься пропагандой в газету «Добровolec».

Идеологически чуткий Николай посрался с главредом власовской газеты из-за того, что тот не избавился от «родимых пятен марксизма» (Господь всемогущий, почему я был вынужден читать весь этот бред). Потом лично унизил в споре генерала Власова, рванул в Париж, там уже скопом унизил всю эмиграцию первой волны. По возвращении в родной Берлин наконец-то нашёл единственного приличного человека во всем этом гитлеровском бардаке — пана генерала-атамана Таврического, то есть, извините — Краснова. И они вместе начали правильно любить Россию на расстоянии.

Персонаж «Лампады» Давиденко расстрелян «сталинскими палачами» в Москве, куда его приволокла гэбня в комплекте с всё тем же Красновым. Недурственная версия биографии предателя, чьи творческие расхождения с марксистом-редактором власовского агитлистка особенно доставляют.

У Солженицина — сиделец Коля Давиденков, литератор, собирает драмкружок в послевоенном Гулаге, но вместе с режиссерским креслом хитрые чекисты подкидывают ему новое ложное обвинение в попытке передаче каких-то бумаг «за забор». Зачем, спросите вы? Чтобы расстрелять. В солженицинской версии реальности у Николая — 25 лет (больше не давали) заключения по приговору. Осужден Давиденков за благие поступки — «сражался капитаном в РОА» и «попал в советские лапы». В плен к фашистам тоже угодил под Минском. До войны сидел по делу Льва Гумилева, но оправдан, в институте восстановиться на дали, в 1941 призвали на фронт.

Исаич матёрый, оцените:

«О жизни его в годы войны Л. Чуковская имела сведения неверные, а на Западе меня поправили люди, знавшие тут его. Кто уходил из лагеря военнопленных и все

сгорали тут (в Гулаге), в месяц, год, а Давиденков и вдвое: был капитаном РОА, сражался, успел жениться (Вера Ушакова, осталась с сыном на Западе) и книги писал, видимо, не одну — и о ленинградских застенках 1938, и «Предатель», военного времени повесть под псевдонимом Анин. Но в конце войны попал в советские лапы. Может быть, не все о нем было известно — приговорили к расстрелу но заменили на 25 лет. Очевидно, по второму лагерному делу он получил расстрел, уже не замененный (уже возвращенный нам Указом января 1950).»

Люди в курсе, Солж одобряет.

Аж плакать хочется — такого хорошего человека было-чекисты, маскирующиеся под театралов, в расход пустили. Тяжела и неказиста жизнь помощника фашистов. Не захотел в гитлеровском плену спокойно и организованно в концлагерь отбыть, у печей крематория от безделья погреться или в расстрельной яме прохладиться, как слабые духом красноармейцы, не решившиеся предать Родину. То ли дело в первых рядах отправится «сражаться» на пропагандистские фронты Рейха в агитлистке «Доброволец», а перед этим шофёром немного поработать в команде военнопленных, затем посочинять стихи и прозу в школе при штабе РОА, покататься по оккупированной Европе с лекциями... (информация, например, с сайта «Сахаровского центра» <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=2349> или <https://www.ttolk.ru/?p=19938>) «Вдвое» выпало пережить несчастному Коленьке.

В нашей реальности Давиденков действительно почти год находился в заключении с 1938-го, но Ежова фактически сменил Берия и Николая выпустили. Далее восставившийся студент закончил университет, в соавторстве выпустил книгу по занимательной биологии для детей, до

этого был призван в армию. В июле сорок первого попал в плен под Минском. В сентябре начал восхождение по карьерной лестнице, предоставленной ему товарищами-арийцами...

За все художества «сталинские палачи» выписали власовцу-красновцу 10 лет, но в 1946-том следует новое обвинение: «создание в лагере контрреволюционной повстанческой группы из заключенных». Мог идейный фашистский пропагандист учинять подобные затеи в местах заключения? Вполне. Сторонники коллаборациониста пишут о таких случаях в его биографии. Даже деятели из «Сахаровского центра» сухо отразили эти вехи жизненного пути Николая Сергеевича: «В 1949 году новый этап, новое расследование». Гибелью за служение Мельпомене и не пахнет, хотя театральным художником при лагерном клубе Давиденков работал, стихи и прозу писал. Расстрелян в 1951 году.

Копаясь в перипетиях судеб винно и невинно осужденных очень тяжело добраться до истины. Ежовский беспредел во многом определивший годы «Большого террора», наконец-то начал изучаться историками с точки зрения именно Истории, а не перестроечных и солженицынских агиток о «жажде народной крови усатым тираном».

Устанавливаются реальные масштабы жертв, причины поведения и «управленческих решений» Николая Ивановича Ежова, его сторонников, соратников и подручных. Тяжелейшая внутривнутриполитическая ситуация, особенности времени между двумя Мировыми войнами, подковёрная борьба в партии и правительстве, настоящие и мнимые контрреволюционеры, последствия принятия Конституции 1936 года... Со всем этим придётся столкнуться многим поколениям будущих и нынешних исследователей.

Но необходимо уже сейчас опровергать солженицинско-ширяевские попытки, поддерживаемые современными деятелями, выставить фигуры фашистских пропагандонов на зарплате прекрасными людьми «сражавшимися в РОА» и расстрелянными «сталинскими палачами» за высокую морально-нравственную позицию или участие в лагерных театральных постановках. Не надо приплетать сюда «для жалости» дело Гумилева. Совсем не за это Давиденков пулю получил.

Пусть уже с посадками Льва Николаевича Гумилева, как и общей оценкой того периода, начнут разбираться на государственном уровне тысячи компетентных специалистов с доступом к архивам и документам. Пока власть безмолвствует, кто-то умело пользуется завесой тайны вокруг «личных данных» жертв репрессий.

Я, как и любой нормальный гражданин или гражданка, хочу знать о реальных, а не придуманных ошибках (их причинах) или достижениях своих предков. Не погружаться в ту зловредную пропагандистскую муть «про гулаги», которая окутывает нашу страну последние 35 лет. От «неугасимых лампад» тошнит уже.

Гузель Яхина, «литературная дочь» Волазкина, тоже под «Лапмпадкой» вдохновлялась, готовясь к будущей «творческой переработке» материалов самарского ученого-историка Циденкова. В «Зулейхе» злобный начальник-самодур (в сериале — герой актера Мадянова) отбивает у чекиста Игнатова блондинистую стерву-большевичку в белой папаче. Похотливая сатрапиха становится переходящим половым знаменем высшего руководства кровавой гэбни, а те, вдоволь наигравшись девичьим телом, отправляют марксистку-профурсетку в лагеря.

У Ширяева: «Даже нач. санитарной части М. В. Фельдман, жена члена верховной коллегии ОГПУ, была сослана туда (на Соловки) собственным мужем для охлаждения ее африканских страстей».

Ничего своего «у писательницы правдой» нет.

Извините за объемные цитаты различных творцов и мои рассуждения, но из песни слов не выкинешь. Господин Познер также называет СЛОН концлагерем, приплетая к обстоятельствам его возникновения личную инициативу Ленина. Мэтр, перестаньте лохматить Дедушку: когда в 1923 году принималось решение об организации СЛОНа, Ильич был уже, мягко говоря, не в себе. Если Владимирович Владимирович имел ввиду «лагеря принудительных работ», созданные на контролируемых советским правительством территориях в 1919 году, то это особая история. Тамошние сидельцы имели право дома ночевать при определенных раскладах и массово работали без охраны в советских учреждениях, системе здравоохранения и на предприятиях.

Не вызывает вопросов, зачем Владимир и Евгений нарекают СЛОН концлагерем и ассоциируют с Лениным. Они раззадоривают аудиторию: «А знаете, кто еще любил концлагеря организовывать?»

С вводными разобрались, теперь оценим набор египетских казней и масштабы ада, творящегося в «своего рода модели России». Что ожидало жителей уменьшенной копии нашей страны.

Для начала, отринем как достоверные источники любые материалы от заинтересованных сторон типа очерков «Соловки» Горького, побывавшего в СЛОНе с контрольно-ознакомительным визитом в 1929 году. Про-

летарский писатель не фашистский пособник, веры ему нет. Академик Лихачев, находившийся на Соловках в качестве заключенного, вспоминает Максим Максимыча, по косвенным признакам осознавшего, что ему демонстрируют «потёмкинскую деревню», но писать правду о СЛОНе тот не захотел. Это понятно — сталинист, чё с него взять. Опровергнуть слова бывшего узника гражданин Пешков уже не мог в силу естественных причин. Сколько людей, столько и мнений, со всеми спорить устанешь.

Обратимся к википедии с запросом по поводу состояния культурно-массового сектора на слоновских территориях. Вряд ли руководство «лагеря смерти» или рабского труда озаботится просветительской работой среди контингента. Выработал невольник человеческий ресурс — отправился к расстрельной яме. Это если сам от переутомления, голода и болезней не скончался.

Культомассовый сектор включал в себя: 1) многотиражную еженедельную газету «Новые Соловки» с тремя приложениями (штатный состав, как и в остальных примерах, из лагерников); 2) журнал «Соловецкие острова»; 3) радио «Соловки»; 4) Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (СОАОК) из четырех секций: историко-археологическая, криминологическая (социокультурные исследования уголовного мира), охотоведческая и естественно-историческая: биосад с дендрологическим питомником, агрокабинет, биостанция, энтомологический кабинет, питомник пушных зверей; 5) библиотеки: научная на 3 500 томов, в том числе из монастырского собрания (относилась к СОАОК), 18 передвижных (к 1929 году) с общим книжным фондом 13 294 единиц, переплетная мастерская; 6) 22 пункта ликбеза(!); 7) два театра (к 1929 году), где крутили и кинематограф; 8) секции футбола,

хоккея с мячом, лыж, лёгкой атлетики, зимой — коньки, летом — кегли городки.

Сведения о культурной жизни СЛОНа встречаются и у фашистской подстилки Ширяева, прилежного ученика доктора Геббельса, требовавшего от своих подчиненных переплетать стальные канаты пропагандистской лжи с нитями не подвергаемой опровержению информации (это не цитата). В 1950 году многие слоновские сидельцы были живы, и грамотный Борька не бросился в омут беспросветного вранья и очернительства, а постарался отшлифовать свою работу до приемлемых стандартов, но у него всё равно плохо получилось — зацепки-заусенчики остались повсюду.

Например, в «Неугасимой лампаде» присутствует персонаж «84-летний(!) профессор Кривош-Неманич», знавший тридцать(!) языков, потомственный хиромант, предсказавший дальнейшую судьбу Ширяева, специалист по шифровке-кодировке (и «немножко шьёт», как принято добавлять в таких случаях о столь разнопланово одарённых людях). Нерачительные большевики поначалу применяли дедулю-многостаночника исключительно в шифровальных целях, в процессе чего тот «слишком много узнал», и власти сослали его на Соловки. (Может, наложилось ещё и владение старичком древнеарийским языком, о чем Борька «вспоминает» с особой теплотой.)

После ознакомления с ТТХ ветерана-лингвиста, у меня возникло сразу пять сомнений:

- 1) Что это за гигант мысли и отец русской демократии, которого в 84 года боялась даже ленинская ОПГ.
- 2) Почему старого высококлассного «спеца» штучной выделки используют не на всю катушку.

- 3) Большевики на политические пристрастия уникальных специалистов «из возрастных бывших» смотрели довольно лояльно. Ну чудит какую-нить мутоту про Государя Императора, к примеру, да и ладно. Нехай «доходящий» дед занимается важным делом во благо революции и «о земле думает», авось и не дотянет до замышляемой контрреволюции.
- 4) Зачем тратить средства на транспортировку дышащего на ладан гражданина? Он тупо может не доехать. Ответственные работники, принявшие подобное решение, своими руками подписывали себе статью за саботаж. Проще... ну, вы сами знаете.
- 5) Почему заслуженного предсказателя-экстрасенса не отправили прощупать линии судеб членов советского правительства, ведь тогда это было очень модно.

Дай-ка, думаю, погуглю, чё за пассажир арестантского вагона такой интересный? Вдруг повезет. И поисковик сразу выдал Владимира Ивановича Кривош-Неманича. Он ещё и книги писал, иностранных языков, правда, знал всего пять, действительно являлся уникальным специалистом в области перлюстрации и дешифровки, сотрудничать с большевиками вызвался сразу и сам, всю жизнь попадал в мутные финансовые истории в роли предполагаемого растратчика, поддерживал связи с Союзом русского народа, несколько раз находился под стражей при советах. Но до поры до времени соскакивал. А теперь, внимание, самое главное — годков ему, к моменту прибытия в СЛОН, исполнилось пятьдесят девять (по другим данным 62).

Также среди персонажей встречается и некая баронесса — «фрейлина трех императриц» с «известной всей России фамилией», но Борюся родовитое фамилие предусмотрительно не разглашает. Потому что поверить в существование женщины в возрасте 60+, способной неделями «с достоинством» таскать каменюки на тяжелых работах, которые «редко кто выдерживал более двух-трех месяцев», а вечерами «тщательно чистить своё платье» и потом «долго молиться, стоя на коленях перед маленьким образом», может только писатель Водолазкин, судя по всему, не державший в руках ничего тяжелее пионерского горна.

Бабушка из свиты императорских киборгов ещё и мораль успевала прокачивать соседкам по бараку. Лагерная постройка, благодаря постоянному личному примеру высоконравственной аристократки, со временем превратилась в непрекращавшуюся выездную сессию Института благородных девиц. Проститутки, воровки, торговки наркотой в присутствии аристократической особы начинают сдерживаться, перестают материться. «Это великое таинство пробуждения Человека совершалось без насилия и громких слов», — умиляется Борька поведению придуманного персонажа, попутно почмыривая методы трудового перевоспитания ненавистного большевичья.

Но хорошего понемножку. А то у вдумчивого читателя могут возникнуть вопросы: почему святая женщина с титановым скелетом и сервоприводами вместо мышц не взяла в оборот перевоспитания алкаша-коммендата, не изъяв у того на ответственное хранение табельное оружие, пока увещевала отказаться от стрельбы в пьяном виде по всему, что движется. Мега-бабуля, по канонам жанра, должна вовремя самораствориться. Сталелитейного завода на Соловках нет, и баронесса добровольно

отправляется в тифозный барак, чтобы прикинуться шлангом, дожидаясь под слоями земли появления на свет Сары Коннор. «Скайнет» форева! Джон маст дай!

Цитирую:

— Так никто не хочет помочь умирающим? — спросила начальница санчасти.

— Я хочу, — тихо ответила баронесса. И тут же за ней записалось ещё несколько женщин. (кто бы сомневался)

«Час этот пробил, когда на руках и на шее баронессы зарделась зловещая сыпь. М. В. Фельдман заметила ее.

— Баронесса, идите и ложитесь в особой палате... Разве вы сами не видите, — сказала начальница.

— К чему? — спокойно ответила та. — Вы же знаете, что в мои годы от тифа не выздоравливают. Господь призывает меня к себе, но два-три дня я ещё могу служить ему...

Они стояли друг против друга. Аристократка и коммунистка. Девственница и страстная, нераскаянная Магдалина. Верующая в Него и атеистка. Женщины двух миров. Экспансивная, порывистая М. В. Фельдман обняла и поцеловала старуху. Когда она рассказывала мне об этом, ее глаза были полны слез.

— Знаете, мне хотелось тогда перекрестить ее, как крестила меня в детстве няня. Но я побоялась оскорбить ее чувство веры. Ведь я же еврейка.»

(Как эту е..анину может читать с серьезным лицом человек старше двадцати лет от роду? Особенно филолог, особенно исследователь литературы, ещё и доктор наук? А потом «потрясающей книгой» назвать в публичном пространстве? По своей воле такое не делается.)

Джеймс Кэмерон, создатель «Терминатора», на глазах стремительно превращается в жалкого неудачника со своей задумкой, когда герой Шварцнеггера, прямой пото-

мок императорских киборгов, поднимает большой палец сжатого кулака вверх, самоуничтожаясь в плавильном чане (или как там он правильно называется).

Примитивный, дешевый набор-«пожалейка»: «Тихо, спокойно ответила.. денная и ночная работа в тифозном бараке... зарделась зловещая сыпь... послужить ещё два-три дня... лобызания Магдалины с девственницей, сопли, слюни... бытовой антисемитизм». И ведь работает до сих пор. Среди читателей обмороки, поди, случались.

Кстати, странный «лагерь смерти» у Ширяева в произведении выведен: с персональными больничными палатами для эзков. Постоянно подобные несоответствия проскакивают. Хотя, может, там Ногтев прокапывался в перерывах между запоями.

Один из вопиющих проколов Борьки:

«В эти первые годы первой советской каторги ГПУ еще не уяснило себе экономических выгод широкого применения рабского труда. Система концлагерей зародилась здесь же, на Соловках, но несколько позже. Тогда же Соловки были просто каторгой с жесточайшим режимом, царством полного произвола, бойней, в которой добивались последние явные и многие возможные враги советизма, а также свалкой для нетерпимого в столицах уголовного элемента.»

Полная брехня — и про «первую каторгу», и про слабую подкованность большевиков в экономических вопросах, желание уморить заключенных рабским трудом вперемишку с «бойней». Часть упомянутых выше «лагерей принудительных работ», учрежденных ещё в 1919 году, сразу нацеливали на работу по «хозрасчёту» без поддержки центра. Что из этого в итоге вышло — вопрос следующий.

Ещё фантазёр-мемуарист Борхен зачем-то упёк на Соловки княгиню Шаховскую, которая в ширяевских писаниях напоминает поведением средневзвешенную графиню Задрищеву-Мушкину из современных исторических рОманов типа «Сад» пера Марины Степновой для не желающих заскучать дам (читайте статью Александра Кузьменкова из «Новой критики» на сайте alterlit.ru).

Не важно, что в нашей реальности княгиня Евгения Михайловна Шаховская, женщина-авантюристка, военная лётчица Первой Мировой, погибла в 1920-то году, работая в Киевской ГубЧК — с коллегой неудачно поссорилась. Может, другая княгиня была? Поправьте.

Всё, пропаганден-геноссе Борис разоблачен. Несите следующего — более в ширяевских фашистских фекалиях с прилипшим клочком туалетной бумаги подписанным «Неугасимая лампада» можно не ковыряться.

Знакомые методы? Никого не напоминают из текста выше? Я не про доктора Геббельса. Исказить ради творческих задач любые исторические факты, «натянуть на глобус» судьбу подходящего или придуманного человека, оправдывая зловерные для России фантазии — характерный такой приёмчик. Господин Кривош-Неманич скончался в 1942 году и опровергнуть в 1950-том наличие у себя дара ясновидения или способности к дистанционному целительству не мог.

Писаниной о типке с мутной биографией, захавшем на кичу, особой антипатии к советской власти у читателей не вызвать. И совсем другие результаты достигаются, если красочно изобразить отосланных большевиками подыхать на промерзшем клочке суши в ледяном Белом море высокоморальную старушку-баронессу или

блаженного дедушку-профессора на девятом десятке, владеющего тридцатью языками (и т. д. и т. п.). Даже самый рассудительный читатель возмутится: «Да что эти комми-вампиры себе позволяют, недавно к власти пришли, а уже всю бабушек благодетельных да старцев святых по ГУЛАГам догнивать отправляют. Таким дедкам памятники чугунные на площадях надо ставить, а не истреблять!»

Весь пасквиль фашистёнка Борьки состоит из нужных преувеличений и необходимых преуменьшений. В результате фантазии из «Неугасимой лампы» как исторические факты цитируются, например, бесчисленными сайтами-вестниками об ужасах ГУЛАГа со списками палачей. В печатную продукцию и прессу лучше даже не лезть, наверное. Слишком много «признанных авторитетов», скорее всего, пошатнется.

Довольно забавно теперь читается растиражированный в Сети трогательный «документ эпохи» про блаженного ученого старца полиглота-хироманта, предсказавшего «смерть от пули» первому коменданту СЛОНа, через несколько месяцев расстрелянному соратниками за «расстрелы из окна» и спекуляцию переплавленными серебряными херувимами. Присыпали землицей тушку барыги-сатрапа в бору поверх захоронения «мятежных иноков соловецких, петлею удушенных»...Тянут-тянут мертвеца, ламца-дрица-гоп-ца-ца! Как Ширяеву без иноков и алтарей обойтись, вдруг в его боголюбстве и правдолюбстве кто усомнится. Доктор Геббельс водопадами умильных слез затушил пару адских жерл.

В нашей реальности Ногтев, уйдя в 1930-том на пенсию, работал «на гражданке», загремел в лагерь после предварилки 37-39 года за срыв плана лесозаготовок

Наркомата лесной промышленности, освобожден в 1947-ом и умер самостоятельно.

Википедия в его биографии цитирует ширяевский высер про досуг чекиста, совмещавшего приёмы внутрь вёдер огненной воды с массовыми экзекуциями лагерников через оконный проём служебной квартиры.

Электронная энциклопедия Соловки (solovki.ca) вообще скомпилирована из фрагментов «неисчерпаемой лампы с говном», разбитым на главы и рубрики под оригинальными заголовками «Палачи на островах»; «Задолго до коменданта Освенцима...»; «Чекист Александр Ногтев — коммунист-ленинец, садист и алкоголик». Вижу досадное упущение — отсутствует гомосексуальная характеристика на героя публикации.

«Зэковские мемуары» — особый жанр. Лишение свободы — одно из самых изматывающих психику и страшных испытаний для человека. Сложно ожидать объективной оценки событий от повествователя, обозленного на надзирателей и государство, отправившее его в темницу. У автора может возникнуть желание «отыграться в вечность» за былые обиды, изображая тюремщиков моральными уродами (подобные лица встречаются среди надзирателей при любой общественно-экономической формации). Он готов отстаивать собственную невиновность, приводя как аргумент антигуманную сущность правящего режима в целом, поддерживать аналогичные порывы собратьев по перу и несчастью.

Все мы люди, понять мотивацию ближних способны. Внимательно прислушайтесь к рассказам знакомых сидельцев, даже с высокими научными степенями (если располагаете возможностью), про их бытие в неволе, услышите знакомые интонации.

В случае с фашистом Борькой Ширяевым всё вышеперечисленное тысячекратно усиленно очевидными целями его писанины.

Коменданта Ногтева одни лагерники-мемуаристы зачисляют в команду крейсера «Аврора», другие по фронтам Гражданской войны в произвольном порядке гоняют со скоростью звука, третьи начальников ему своими указами назначают, обзывают алкашом и дебоширом... Только в архиве прописаться остается и разбирать, где полуправда, а где вымысел. Флагман Социалистической Революции тоже под раздачу комплиментов между делом попадает — из его палубных орудий пьяная матросня, оказывается, методично расстреливала Зимний дворец.

Однако гражданин Водолазкин пушного зверя в питомниках СЛОНа не разводил, советские и российские зоны не топтал. Он, типа, просветительской деятельностью занимается, с претензией на проповедь. По этому поводу возникают следующие вопросы.

- 1) Биографическая информации о Ширяеве, Ногтеве и Кривош-Неманиче давно лежит в свободном интернет-доступе. Доктор филологических наук Водолазкин не изучил биографию фашистского пособника Борьки перед тем, как объявить его «замечательную книгу» достоверным отображением истории Соловецкого лагеря особого назначения? (Евгений Германович по слогам читает? До половины «Неугасимую лампаду» осилил, а до глав произведения про любовь автора к фашистам, власовцам, Краснову от усталости глаз не дотянул?!)
- 2) Делая свои громкие и очень сомнительные заявления, ученик академика Лихачёва, специалист

мирового уровня по древнерусской литературе, не провёл предварительную всестороннюю оценку достоверности исторической составляющей «Неугасимой лампы»?!

Доктор наук Водолазкин, выходит, в разы глупее меня? Или Евгений Германович, считает себя хитрее всех? Где надо — известный исследователь литературы, где не надо — тихонько промолчит.

Ученик академика, кстати, любитель укутаться по нужному случаю в одеяло, сотканное из славы и гигантского авторитета своего научного руководителя. Воспользуюсь небьющейся аргументацией очернителей истории отечества со стажем: кто со мной не согласен — тот лох. А вы, дорогие соратники, «не рефлекслируйте, а распространяйте, пусть отбиваются».

Я скептически отношусь к той части романа «Дом и остров, или Инструмент языка», где за Дмитрия Сергеевича очень много додумывает Евгений Германович. Объяснять причины такого отношения, надеюсь, не требуется.

Филолог Водолазкин на программе «Познер» при построении очередного шаткого умствования-конструкта игриво сообщает: «Мне не хотелось бы находить какие-то четкие определения». А чёй-та, Дядь Жень, тебе то хочется, то ленился? СЛОНа вон чётко зарулил (а СЛОН — большой) как «своего рода модель России»: «Когда приезжаешь туда, понимаешь, что ад и рай могут находиться рядом друг с другом. Соловки — единственная, может быть, точка на Земле, где это так очевидно!»

Это что за чудо чудное, Евгений Германович? Мы за Вас беспокоимся, срочно закругляйтесь с вояжами к Белому морю. Вам там новую партию «опиума для народа»,

видимо, предложили. Вы попробовали, подсели и в пространство отравы вдарились.

Для меня, как и для многих, совершенно не очевидно, что ад и рай могут находиться рядом. Я даже резко против подобного соседства. Ересью, сектантством и раскольниковством такие догмы отдадут. Эка Вы раздухарились за десятилетия, не узнать того робкого комсомольца. Выходит: хоть постриг с юности принимай, хоть всю жизнь грабь, бухай, отдыхай — все в одном месте встретятся. «В чём тогда наказание?» — задаст простой вопрос безжалостный убийца Григор Клиган из киносаги «Игры престолов». Сатирик-юморист Аркадий Райкин тоже в стороне не останется: «Ты в Рай пошёл, я пошёл, мы его не любим — он тоже пошёл». Райское изобилие получается, небесный коммунизм!

Признайтесь, товарищ писатель, Вас научный атеист Познер на телеэфире в шестнадцатом года покусал? Почему не догадались в проект божественного переустройства Чистилище линейей-терминатором, Свет и Тьму разделяющей, присуседить. Без этого бардак и шатания сплошные, а не пункт дислокации высших сил. Черти к ангелам в гости ходят, братаются, кагором злоупотребляют, грешники на праведников тлетворно влияют. Доктор Аймтербоймер возглавил орды зомби-фашистов и рыскает по объединённым райско-адским кушам, требуя у каждого встречного признать, что нацисты воевать не хотели, их Гитлер заставил. Вы на что вообще намекаете?

Извините, Евгений Германович, новую Библию с описанием такого шапито даже Ваши друзья печатать откажутся — это не картина мироздания, а «Эшелон на Самарканд» какой-то. Хотя «Оправдание острова» издали же...

Соловецкий лагерь особого назначения филиалом ада или рая на земле не являлся. Это было очень приземленное, суровое место, куда молодое советское государство отправляло граждан с целью изоляции от общества на исправительно-трудовые работы. Могли туда попасть невиновные? Безусловно, как и в любое другое время. Каждый случай надо разбирать отдельно, не руководствуясь «перестроечными» и ширяевско-солженищенскими агитками «про гулаг», а поднимать архивы, учитывать законодательство того времени, личность узника и т. д. и т. п. Тогда внезапно многие мифические благодетельные старцы-полиглоты начнут превращаться в довольно заурядных растратчиков-контреволюционеров, не с первого раза загремевших в места не столь отдаленные.

Противники большевиков с подачи интервентов-англичан первыми на Соловках лагерь организовали, причем именно «лагерь смерти». И что теперь? Всех «белых» (или англичан?!) поголовно запишем в палачи, основываясь на решениях правительства Северной области?

«Красные» вон в трудовые лагеря отправляли, а их враги полным беспределом занимались. Подобные обобщения в ту или иную сторону очерняют историю нашей страны, раскалывают современное общество. Зачем они? Кому выгодны? Почему в этом активно участвует писатель Водолазкин, претендующий на роль «проповедника», основываясь на очевидно липовых текстах фашистских пособников?

Становление Соловецкого лагеря особого назначения, как и всего Советского государства, проходило в очень сложный исторический период. Неразрешимые экономические, социальные, прочие противоречия, накопившиеся в Российской Империи задолго до 1917 года привели в итоге к возникновению катастрофических по масшта-

бу проблем, которые погрузили распавшуюся на части огромную страну в хаос. Обвинять в этом конкретно «белых», «красных», «зеленых» абсурдно.

Отменить тюрьмы у большевиков не получилось. Население такие идеи воспринимало по-своему. Легкие карательные меры на преступников не действовали. В итоге пришли к исправительно-трудовым учреждениям. Мог герой Гражданской войны Ногтев бухать и избивать лагерников? Вполне. Но зачем ему беспорядочно шмалять по подопечным? Кто работать будет, как отчитываться за ежедневно расстреливаемых из окна? Все в побег ударились? Тогда коменданта быстро снимут.

А если Александр Петрович был трезвенником и увлекался гимнастикой? Всякое бывает. Вечером безграмотность ликвидируют, чтобы социализировать ээков или, например, научить новым профессиям (производства в хозяйстве СЛОНа много), днём самодур-алкаш Санёк половину пострелял от вольного. Лыко да мочало — начинай сначала. Очень логично всё устроено. А почему поехавший кукухой руководитель в слоновский театр пострелять не ходил ради массовых жертвоприношений Красному Молоху? Ведь сподручнее. На такого дебила собственные подчиненные по сто доносов в день писать начнут «в центр», потому как он банально работать всем мешает.

Наверняка бывали случаи превышения полномочий и немотивированного насилия со стороны лагерного персонала по отношению к заключенным, вплоть до непоправимых последствий. Но попытки представить это системным подходом не выдерживают исторической критики. Почитайте, если интересно, неангажированных исследователей про быт, производственные мощности, культурную жизнь СЛОНа, дальнейшие судьбы лагерников по-

сле освобождения и ответьте для себя на вопрос: «Это похоже на «лагерь смерти» или рабского труда?»

Не надо погружать СЛОН в адское пламя или озарять райским свечением, как нам тулит философ Водолазкин, его предшественники и нынешние соратники. Возникали, возникают и будут возникать на нашей планете локации в сотни раз ужаснее Соловков. На земное необходимо смотреть объективно, учитывать реальные ошибки или достижения предков и, исходя из этого, двигаться вперёд, а не танцевать на костях, проливая ручьи крокодиловых слёз.

А теперь задумайтесь — писатель-веростоятель называет «своего рода моделью России» очернительские измышления задокументированного коллаборациониста, проработавшего долгие годы на руководящих должностях в изданиях пропагандистской прессы нацистов.

Собственную пропаганду творческого наследия фашистского охвостья Водолазкин ведёт не абы где, а на сайте ГодЛитературы.рф. А это, на минуточку, — спецпроект «Российской газеты», портал о литературе и культуре, созданный при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Еще раз вдумайтесь. Что «российско-государственного» может содержаться в окололитературном сблёве «Неугасимая лампада» от нацисткой шестёрки-пропагандона?!

Интернет-ресурс ГодЛитературы.рф не имеет в штате редакторов? В следующий раз «Майн кампф» или «Молот ведьм» кто-нибудь в интервью «замечательными книгами» назовет, порекомендует к прочтению детишкам в школе. Тоже опубликуют? Теряюсь в догадках.

Новыми гранями засверкала творческая задача повести «Близкие друзья» за авторством Евгения Германови-

ча. После ознакомления с ней у многих читателей складывается впечатление о попытке автора сместить акцент в восприятии фашистских оккупантов с их злодеяний на необходимость с сочувствием относиться к немецкому народу, оказавшемуся коллективным заложником Гитлера и его приспешников. Такой подход не выдерживает критики, противоречит историческим реалиям, вызывает закономерное возмущение. Но проказница Эрнестина, надо признать, герру Водолазкину удалась.

Ещё одно интересное наблюдение. В этом же произведении есть фрагмент с оторванной фельдфебельской рукой, бережно завернутой в газету другим офицером Вермахта. Ай да Евгений Германович, ай да озорник. Куда без его любимых Средневековья и немцев. Сразу вспоминается бродячий сюжет про живущую отдельно от обладателя часть тела и рыцарь Гёц фон Берлихинген, потерявший конечность во времена Крестьянской войны. Гетё ему целую пьесу посвятил. Вояка приделал железный протез и, соответственно, получил прозвище «Железная рука». Во времена нацистской Германии его имя было присвоено 17-той моторизованной дивизии СС с эмблемой в виде той самой железной руки. Это что, такая тонкая «пасхалочка» от творца? Хотелось бы ошибаться...

Водолазкин идёт дальше Гоголя с «Носом» и Иоганна Вольфганга — в «Бликих друзьях» уже цельный мертвый фашист путешествует по территории СССР и окрестностям в ящике из-под снарядов. Завернутая в бумагу рука фельдфебеля — еще и прямая отсылка к рассказу классика «черной фантастики» Жана Рея. Кому интересно — погуглите. Забавные переплетения.

На Первом канале государственного телевидения книги Водолазкина рекомендуются к прочтению, для интер-

вью с ним выделяется два часа эфирного времени на программах «Познер».

Спектакль по повести «Близкие друзья» ставился на подмостках петербургского ТЮЗа (детिशкам самое то вместо «Золотого ключика»), а в этом году постановку представили в столичном «Сатириконе»(!).

В Российской Федерации победа над фашизмом в Великой Отечественной войне признана неоспоримой ценностью, за реабилитацию нацизма предусмотрена уголовная ответственность (статья 354.1 УК РФ). В недавнем обращении Федеральному Собранию РФ президент Владимир Владимирович Путин призвал бороться с историческими фальсификациями...

Между тем, многочисленные завуалированные успешные попытки ползучей реабилитации нацизма, как будто не замечаются ответственными представителями органов государственной власти (Министерство Культуры, Роскомнадзор и т. д.). Пример с «Неугасимой лампадой» демонстрирует общую тенденцию.

Творческая ученица Водолазкина Гузель Яхина, назвавшая его величайшим русским писателем, на последних страницах очернительской окололитературной поделки «Эшелон на Самарканд» рассыпается в комплиментах своему духовному наставнику священнослужителю Иоанну Привалову, по совместительству сектанту-раскольнику, отстраненному в 2013 году от настоятельства.

Делами церковными пусть занимаются уполномоченные лица, а мы обратимся к мирским проповедям дяди Вани. Чем же он постоянно озабочен? Не поверите, призывает примириться с немецким народом, забыть незначительные разногласия, совершенно случайно возникшие во Вторую Мировую.

У вас есть претензии к современным жителям ФРГ по поводу Великой Отечественной Войны? Нет? И у меня нет. Откуда им взяться-то. Ангела Меркель официальные мероприятия с зигования не начинает, диктаторские усики специально отрастить не пытается, толпы бюргеров факельные шествия с портретами Гитлера на улицах германских городов не устраивают. Я с немцами не ссорился, вокруг чего мне с ними срочно начать примиряться?

Так о чем же дядя Ваня беспокоится? Недостаточно оказывается, дорогие россияне, мы каемся за преступления красноармейцев против фашистских оккупантов. Послушайте, что вещает этот «примЕронец» на ютуб-канале «Лютеранская вера» в ролике от 13 сентября 2019 года, посвященному итогам конференции «Русские и немцы: богословие добрососедства» (надо пробить, что за рассадник добра такой форум-фестиваль «Преображенские встречи»):

«Сколько пережил немецкий народ...Мы все в двадцатом веке много претерпели. Но положение немцев, конечно, было еще и печальным. НЕМЦЫ БЫЛИ ЗАЛОЖНИКАМИ ТОГО, ЧТО БЫЛА ВОЙНА. И ВАЖНО ПРОСТО ВСПОМНИТЬ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ, ЛЮБОВЬЮ И СОСТРАДАНИЕМ ТЕХ ЛЮДЕЙ. Мне кажется, что сегодня это получилось, что ТАКОЙ РАЗГОВОР СОСТОЯЛСЯ. И он, поскольку БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ АУДИТОРИИ БЫЛА РУССКОЙ по национальному составу, этническому, и ПРАВОСЛАВНЫХ ЛЮДЕЙ, прежде всего помогает лучше осознать самих себя, кто мы, какие у нас корни. Потому что мы познаем себя, узнаем себя, когда мы встречаемся... Когда мы встречаемся с другими людьми, не похожими на нас. Сегодня это всё состоялось.»

Где-то я с подобными идеями уже соприкасался. А, вспомнил, есть там у одного писателя-веростоятеля повесть «Близкие друзья». Но это совпадение, как и то, что

«писательница правдой», «добросовестная исследователь» сложных периодов российской истории Яхина постоянно представляет в своих произведениях тех самых будущих красноармейцев, их родителей, родственников моральными выродками, палачами, безвольными тряпками или полудикими аборигенами, проще говоря — унтерменшами.

Творческие задачи Гузель Шамилевы разделяют многие писатели, журналисты, ютуб-блогеры, общественные деятели, целые радиостанции и телеканалы. Имя им — Легион.

Вы разве не хотите испытать сострадание, любовь, благодарность в конце-концов к эсэсовцам (вместе с пособниками из местных, типа Борьки Ширяева), сжигавшим заживо ваших прабабушек, дедушек, отцов и других родственников. Хорошо, если выжившие члены семьи имели возможность показать детям их старшего брата, сестру, дядю, папу хотя бы на фотокарточке.

Не желаете исторически примириться с охраной настоящих концлагерей, добродушными солдатам Вермахта (нет-нет, да спасут какого ваньку, выдав банку тушенки или галету), работниками науки и промышленности Рейха, школьными учителями, наставниками Гитлерюгенда и прочими прекрасным людьми — гражданами фашистской Германии. Они все, оказывается, были заложникам Гитлера (куда без него) и Второй Мировой войны, случайно кем-то начатой.

Немецкий классик Эрих Мария Ремарк такого мнения почему-то не разделял и примиряться со своим народом из нацистского государства не спешил, но сегодняшний проповедник ртом на непонятных форумах-фестивалях дядя Ваня, творческо-духовный наставник Гузели Яхиной, точно знает, где кроются основные проблемы современного российского общества.

У меня один вопрос: занятие подобными расследованиями, установление нехитрых, но опасных связей отдано в нашем государстве на откуп диванным расследователям типа меня? Вряд ли, всё вышеописанное неизвестно многочисленным контролирующим структурам, органам, радеющим за нравственную и прочую безопасность населения Российской Федерации? Или ответственные работники, по примеру писательницы Татьяны Соломатиной, проявляют «эстетической вкус», делая вид, что всего этого не существует?

Татьяна Юрьевна может позволить себе не обращать внимание на антинародную работу околολитературной подёнщицы Яхиной. Тем более, что даже недалёкая Гузель Шамилевна прекрасно понимает, на какую целевую аудиторию рассчитывают кураторы её «творчества». На презентации «Эшелона на Самарканд» в рамках недавней книжной ярмарки «Нон-фикшн» очередь за автографами к прогрессивной авторке состояла, в том числе, из молодежи и детей... Писатель Водолазкин на этом мероприятии тоже выступал. Обсуждал ли он в кулуарах с Яхиной «потрясающую книгу» про «модель России» «Неугасимая лампада»? Думаю, они уже давно пришли к консенсусу по этому вопросу.

Пока госструктуры соревнуются с деятелями культуры в проявлении эстетических вкусов, заинтересованные силы ведут скрытую, разноплановую работу, объединённую общей целью — заставить российское общество воспринимать СССР историческим злом, равнозначным гитлеровской Германии. Стараются лишить многонациональное население нашей страны общей исторической самоидентификации, окончательно расколоть социум на враждебно настроенные друг к другу группы и группки.

Днём по телевизору вещают про необходимость уважения к ветеранам, народному подвигу в ВОВ, о достижениях советской науки и культуры. А вечером на тех же каналах показывают брехливые сериалы и фильмы про советское прошлое, познеры с водолазкинскими живописуют Главное Несчастье России 1917 года, после которого были только Соловки и Гулаг, население поделилось на вертухаев и сидельцев. Но каким-то чудом наша страна, вопреки палачам-руководителям тоталитарного государства, вопреки всему победила в страшнейшей войне в человеческой истории, закидав трупам врага... Тексты и фигура Гузели Яхиной идут в Тотальный диктант.

Тут у любого крыша поедет, не понятно, что и думать. В интернетах десятилетиями ломают копы, выясняя чей террор кровавей — «красный» или «белый». На ютубе Юра Дудь, Инстасамка, Ксения Собчак и певец-плагиатор Моргенштерн рассказывают, что быть самовлюбленным, беспринципным, ограниченным чмом — неплохо, главное — бабки зарабатывать. Стараются по возможности подтвердить свои слова собственным примером.

С тем, какие «проповеди» вёл в гостях у господина Познера писатель Водолазкин, мы бегло ознакомимся в следующей части. Я пока разобрал для вас всего восемь-девять минут двухчасовой замечательной беседы Владимира и Евгения.

IV.

Проповеди литературоведа Водолазкина

«Я всегда соблюдаю меру в своих высказываниях.»

**Е.Г. Водолазкин на программе «Познер»
от 06.06.2016**

«Надо понимать, что любое движение, которое ставит перед собой большие общественные цели, на мой взгляд, подозрительно. Потому что во главе его становятся не те, кого мы хотели там видеть.»

**В.В. Познер цитирует писателя
Водолазкина на программе «Познер»
от 06.06.2016**

«Всякое развитие — дисгармонично.»

«Есть разные теории истории — марксизм, причинно-следственная... Но мне кажется, что мудрее сказанного Эклипсастом в Библии ничего не придумано... Главный закон истории — это Ритм, он всё определяет. Суть этого Ритма нам не понятна, но я думаю, что вызвана она совокупностью наших воль, которые в каком-то ритме существуют.»

**Е.Г. Водолазкин на программе «Познер»
от 01.03.2021**

Взялся за гуж — не говори, что не дюж. Разобрали восемь минут из двухчасовых тёрок писателя Водолазкина с господином Познером — осилим и весь хронометраж.

Осуждающе постучав сердцами в унисон по поводу преступлений сталинизма и обращённой большевиками в «черную дыру» Российской Империи, «которая так бурно развивалась, в которой было столько всего нового и интересного», собеседники на программе «Познер» (от 06.06.2016) начинают выстраивать «полемический мост» из прошлого в настоящее.

У некоторых зрителей наверняка остались маленькие житейские вопросы из разряда: Первая Мировая война в разгаре и требует ресурсов, пахать и сеять скоро будет некому, семьям рабочих уже в прямом смысле нечего есть, а солдатам запрещено ходить в Питере по тротуарам — это как-то влияло на восприятие населением РИ всего «нового и интересного» или нет? Где, например, «интерес» «господ и холопов» в беспорядочных внешних займах Империи, не погашенных за долгие десятилетия «процветания»? Схожих проблем у того государства водилось ещё вагон и маленькая тележка. Ну да ладно, такие мелочи глобальных мыслителей волновать не должны.

Евгений Германович решает озвучить свои версии причин событий 1917 года. Но сначала, по его мнению, «не менее важно правильно поставить вопрос», чему, оказывается, и посвящен аж целый роман «Авиатор». Мэтр лениво соглашается, но Водолазкин напирает и слегонца ошарашивает публику — универсальный ключ к пониманию истоков революционной ситуации (как позже выяснится, и любой другой) у него тоже имеется.

Стартует самое интересное — рассуждения именитого филолога «за жизнь». Писатель-проповедник сразу указывает «персональную сферу» каждого человека как

корень глобальных исторических процессов. «Издавека заходит,» — подумал я, напряг слух и зрение, но ведущий прервал собеседника, пообещав вернуться к затронутой теме.

Владимир Владимирович похвастался личным зачитыванием на тотальном диктанте фрагмента («совершенно блестящего трогательного и нежного») из «Авиатора», где «любовно описана сцена, происходившая на Невском проспекте в начале двадцатого века». Ещё одна цитата из творческого наследия Евгения Германовича обозначила подспудное стремление доктора наук привести нашу сегодняшнюю страну к формату «России столетней давности».

Мне сразу вспомнился Чернышевский: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта..» Особых восторгов от быта людей, населявших столицу Империи, не просматривается и в воспоминаниях о детстве академика Лихачева: «Неравенство жителей Петербурга бросалось в глаза». Даже ребёнку, прошу заметить. Нынешним россиянам вроде бы хватает проблем (в том числе, и с социальной справедливостью), чтобы критически усугублять их особенностями общественного устройства и политическими реалиями образца 1900-1917 годов.

Ладно, слушаем и внимаем дальше. Научный атеист Познер задается теми же вопросами, что и я, но прямо назвать сидящего напротив ученого человека ретроградом и мракобесом по понятным причинам не может и вежливо интересуется: а чем же хороша была Россия, которую мы потеряли, если Главное Несчастье в ней зародилось?

Водолазкин честно признается — «в экономике и прочих вещах он не специалист», но вот за духовное шарит по самое не балуй и прозревает истоки революционной ситуации 1917 года в петровских временах, «когда цер-

ковь сделали министерством, её посещение стало для населения обязательным, чуть ли не справки о причастии требовали». Владимир Владимирович сбит с толку, нервно пьёт воду из стакана и задаёт уточняющие вопросы, сверкая глазами поверх очков.

Через экран ноутбука на меня повеяло научной свежестью. Идея писателя оказалась проста в своей гениальности — сначала властители заставляли подданных строем ходить в храмы, отчего два века нарастало социально-лицемерное напряжение (в девятнадцатом почему-то «десятикратно»). А в двадцатом столетии граждане в отместку дружно сменили хоругви на красные революционные шаровары и рванули свергать государя-императора!

Пока я и Познер не очухались, филолог-историк Евгений развивает тему тезисом о царях (начиная уже с Алексея Михайловича Романова), которые триста лет вели державу путём насаждения религии к духовному кризису, выразившемуся в Революции. В какой именно: февральской или октябрьской, Водолазкин не уточняет, видимо — в обеих.

Мэтр наконец-то овладевает положением, быстренько переводя стрелки под предлогом обсуждения количества и качества читателей в современной России. Читают, мол, людишки сейчас всякую макулатуру, по большей части, расти над собой не хотят. Писатель самокритично поддакивает и улыбается. Первый раз, когда мне и добавить нечего.

Собеседники с подачи ведущего снова возвращаются к вопросу «персональной сферы» человека как двигателя истории. Детально разбирать косноязычные умопостроения обитателя Пушкинского Дома, способные вызывать испанский стыд даже у испанской инквизиции, — бес-

смысленно. Даю краткую сводку. Евгений Германович, по его словам, с возрастом уверенно пришёл к «тому, что можно условно назвать философией персонализма», и такая «теория ПРАГМАТИЧНО ОБЪЯСНЯЕТ ВСЁ, что происходит с нами», то бишь, с человечеством.

Например, по мнению Водолазкина, 1914-1917 года — «не худший период в истории России». Жилось народу и тяжелее, а никаких бунтов не происходило, «всё было тихо, никто, что называется, не крикнул». «НО ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО И ПОЧЕМУ-ТО ЭТА ТОЧКА — СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД, СТАЛА КРИТИЧЕСКОЙ». Внезапно рухнула незыблемая тысячелетняя Империя.

Чувствуете, господа-товарищи, уровень аргументации? Дедушка Вова тоже плавно менялся в лице, отказываясь пропитываться подобными истинами. Но дальше больше.

Евгений Германович предложил зрителям самим убедиться в неоспоримости его доводов и срочно начать «чертить график зависимости бунтов от социальных проблем». Я уж было бросился с цветными карандашами к кульману, но вовремя вспомнил, что у меня его нет. Да и доктор наук в ноутбуке успокоил: не суетитесь, несмыслёныши, взаимосвязей никаких всё равно не проявится. Война (Первая Мировая) — фигня, главное — душевные манёвры. Экономика и политика летят к чертям: люди массово возжелали глобального махача, от простого русского крестьянина с британским пастухом до Императора Вильгельма, и понеслась моча по трубам. Срезонировала агрессия в душах человеческих — получите-распишитесь континентальную бойню.

Господин Познер лихорадочно выискивал в голове способы остановить поток сознания нестандартного теоретика, а вошедший во вкус философ-мегаперсоналист приравнял души всех живущих к отдельным компьюте-

рам с неким контентом, а общество — к сети Интернет. Правительство той или иной страны каким-то образом (предполагаю, через астрал) получает доступ к каждой конкретной душонке, суммирует «данные» и выражает интересы населения. Во как!

Евгений Германович посетовал на подавляющую злокозненность людских порывов, оттого и влачим жалкое существование — душевно генерируем сплошное говно.

Если вы думаете, что я преувеличиваю, вырываю чьи-то слова из контекста — милости прошу к ютуб-записям программы «Познер» от 06.06.2016. Мне еще пришлось водолазкинские штудии в удобоваримую текстовую форму облечь.

Главный интервьюер страны собрался с силами и попробовал выжать из встречи со странным гостем хоть какую-то пользу, намекнув на несостоятельность гражданской позиции собеседника. Попёрли стандартные увещевания — необходимо бороться словом, твердо отстаивать права и точки зрения по резонансным вопросам...

Персоналист Евгений понял, что мальчика перегнул палку — нужные люди могут истолковать его речи как призывы «не раскачивать лодку», исключить из числа прогрессивной интеллигенции, отказать в номинации на премии и вовремя не выписать приятный гранток. Аккуратно подбирая оправдания, филолог «съехал на личное» и поведал о пяти статьях за своим авторством против строительства газпромовского небоскреба в Питере. Короче, одиночные протесты писатель уважает, «в келье молча не сидит», однако в массовый блудняк втягиваться решительно отказывается.

Мэтр почуял слабинку и жахнул молотом — вспомнил 1968 год, советскую военщину на танках в Праге

и восьмерых диссидентов, вышедших на Красную площадь, выразить несогласие с «решениями Партии и правительства». Смельчаков скрутили, арестовали, плакаты поломали...

«Но то, что они сделали, повлияло на ситуацию!» — резюмировал Владимир Владимирович.

«Повлияло,» — моментально согласился Евгений Германович, продолжив: «Более того, я думаю, что если это рассматривать не как общественное движение — вот это мне близко. Может быть, и я бы вышел, но, скорее всего, один».

Хорошо излагает, зараза. Учитесь, Киса! Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон. Иногда и «двести рублей» могут спасти гиганта мысли и отца русской демократии.

Никакого влияния на ход событий Пражской весны неудавшаяся микро-демонстрация в центре Москвы, конечно, не оказала. Густые брови Леонида Ильича стабильно жаждали крови, и войска стран-участниц Варшавского договора, введенные в Чехословакию, генсек отзывать не метнулся, но это и не важно. Филолог сразу уловил, что за проверку «на идеологическую вшивость» учинил ему Верховный Магистр ордена антинародных деятелей культуры.

Обедя вокруг пальца самого Познера, Водолазкин седлает любимого конька и начинает унылые рассуждения про общественные движения и революции как самое страшное зло в человеческой истории...

А мировые, религии по мнению исследователя древнерусской литературы, тоже развивались посредством связи через астральный вайфай между людскими душами-компьютерами?

Я, конечно, понимаю, зачем заинтересованные силы навязывают подобное мракобесие современному российскому обществу: для одних слоев населения предлагается Юрий Дудь, Коля Соболев и Ксения Собчак, для других — псевдоверостоялец Водолазкин, призывающий забиться под стол и помышлять там о вечном, выплачивая ипотеку. Но куда смотрит Министерство культуры, другие ответственные работники?

Почему на канале «Культура» восхищаются писателем и деятелем всю мировоззренческую проповедь которого уничтожит любой выпускник ВУЗа, приблизительно знакомый со школьным курсом истории? Книжки Водолазкина преподносятся как некое откровение, но «Оправдание острова» — это даже не призыв деградировать, это...

Что ж, давайте тогда отменим все революции (социалистические, буржуазно-демократические), религии, достижения прогресса, переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, откажемся от развития, вернёмся в норы и пещеры, заживём на подножном корму. Ведь без «общественных движений» вышеперечисленное было бы невозможно.

Непонятно только, когда духовно совершенствоваться (хотя это тоже по учению маститого филолога не особо требуется), существуя в экстремальных условиях. Сам Евгений Германович предпочитает обитать в мегаполисе и взобраться на дерево для скорейшего просветления не спешит.

Если кто вдруг забыл — коварные коммунисты после 1991 года просто перекрасились в буржуев и остались у власти. Вспомнился анекдот по Петьку и Василия Ивановича, где партийцы стали патрициями. Тысячи публика-

ций и ютуб-роликов о роли руководства КПСС в развале СССР лежат в Интернете, но без вялых размышлений Водолазкина тема оставалась однозначно нераскрытой.

С девятнадцатой минуты записи программы «Познер» (от 06.06.2016) по тридцатую Евгений с Владимиром прикидывают как нам обустроить Россию на предмет внедрения демократии. Ничего интересного не происходит, в основном, косноязычно солирует филолог. Наступает и время Мэтра порассуждать про «не тот народец».

Зачин невольно даёт Водолазкин, доблукнув мыслью до тезиса: «диктатура приходит потому, что её ждут». Согласен, если даже Мировые войны подобным образом начинаются, чем тоталитаризм хуже. Подговорил соседей Гитлера ждать, а тот на следующий день уже у подъезда ошивается, приветливо рукой вперед и немного вверх помахивает...

Далее и до конца передачи беседа становится невыносимо скучной за исключением эпизода с противостоянием научного атеиста Познера и писателя-веростоятеля. Подробности в первой части разбора.

Но кое-что интересное Евгений Германович нам ещё поведал. Отметим по пунктам:

- 1) В церковь тащить никого не надо, религия дело добровольное, но факультативчик в школьной программе не помешает. (Здравая мысль, сложно не согласиться. Запомним, это нам пригодится при дальнейшем анализе речей писателя.)
- 2) «Гарри Поттер» — эрзац веры и явление примерно одного порядка с Кончитой Вурст. Произведение Джоан Роулинг плохое и «тоталитарное»,

потому что всем нравится. Бывшая английская учительница написала крепкую сказку, но не дотягивает (видимо, до Водолазкина).

Надо отметить, что затрагивая вопросы, напрямую связанные с древнерусской литературой, доктор наук преображался, производил впечатление ученого человека, его речь приобретала стройность. Но такой момент по ходу эфира был только один.

Ну шо, вот мы и добрались до сокровенных ютуб-записей программы «Познер» от 01.03.2021. За пять лет Евгений Германович заматерел и даже подтянул устную речь, погуляв по интервью, выставкам и литературными премиями. Проповеднический облик мыша-баюна никуда не делся, а скорее наоборот — набрал солидности.

Собеседники обсуждали новую книгу писателя «Оправдание острова» и тележили за литературу, историю и Промысл Божий. Мэтр поначалу вежливо кивал, поддерживая сидящего напротив оратора, но ближе к концу телепередачи не выдержал и в корректной форме выразил своё презрение к речам и письменному творчеству Водолазкина, который за прошедшую пятилетку окончательно скатился в мракобесие. Жалко, сказал ведущий, что формат интервью не подразумевает споров.

В одной фразе прозвучала вся душевная боль Владимира, биолога по образованию (научного атеиста по призванию), выслушавшего много интересностей: например, об отсутствии противоречий между «Происхождением видов» Дарвина и текстами Священного Писания. Евгений Германович даже элегантно пошутил: «Какая разница, из чего Бог создал человека — из глины или обезьяны».

Хорошая и ёмкая рецензия на «Оправдание острова» написана критиком Сергеем Морозовым (лежит на уже упомянутом сайте Альтерлита). Псевдорелигиозная муть водолазкинских воззрений нашла выражение в попытке писателя-веростоятеля создать новую версию Библии. Однако получилось пособие для сектантов: как скомпоновать нужные тебе куски из философской, исторической науки с библейскими мотивами, дабы поувереннее охмурять граждан. А в литературном плане — похабная пародия на «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина.

Чего ожидать от деятеля, продвигающего в массы через телевизор следующие идеи:

- 1) Средневековые — лучшее из случившегося с людьми, а неблагодарные потомки из Нового времени изгадили пасквилями прекрасную эпоху, чтобы обосновать своё величие по сравнению с предками.
- 2) В нравственном плане человечество за тысячи лет не продвинулось ни на шаг. (Оказывается и римский раб, и современный ученый филолог руководствуются одними и теми же моральными установками.)
- 3) В Средние века история писалась объективно, потому как в центре всего стоял Бог и приходилось волей не волей соответствовать.
- 4) Всякое развитие — дисгармонично. Как только человек рождается, начинает физически расти и получать знания, он покидает состояние наивысшей гармонии. (Интересно, а почему смелый теоретик Водолазкин не берет за идеал, например, сперматозоид? Ведь в утробе матери эмбрион тоже развивается.)

- 5) Задача истории быть ареной для конкретного человека. Весь исторический прогресс заключается в движении отдельного индивида от рождения к могиле.
- 6) Если бы Библия писалась сейчас, в неё бы включили и теорию Дарвина.
- 7) Люди «устают от свободы» и подсознательно желают диктатуры. Например, россияне мечтают вернуться в СССР... (Дорогой Евгений Германович, россияне не жаждут прыгнуть в объятия к Сталину или Хрущеву, они хотят социальной справедливости, а это как раз отмены гражданских свобод не подразумевает.)

Веселиться можно еще долго, но пора и честь знать. Проповеди писателя Водолазкина в устной или письменной форме не имеют ничего общего ни с наукой, ни с религией. Единственное подходящее определение всему этому цирку со Средневековьем — мракобесие. Зачем рождаться, если нечем заняться и некуда стремиться?

С доктором наук я соглашусь лишь в одном — различные организации и государства пытаются переписывать историю для реализации своих текущих задач. Почему руководство Российской Федерации не заинтересовано хотя бы в объективном отражении истории нашей страны, мне не понятно. Свято место пусто не бывает. Создатели нужных кому-то версий давних и недавних событий работают на полную.

Зачем из каждого утюга рекламируют псевдорелигиозное творчество гражданина Водолазкина, «принявшего за модель России» произведение нацистского пропагандиста-коллорабациониста? Почему сомнительного проповедника зовут на Первый канал и обсуждают не-

делю на «Культуре»? Кому выгодно планомерное оболванивание населения? Кого ещё «подселим» в Пушкинский дом?

Наплевательское отношение к собственному прошлому заканчивается банально — неразрешимыми проблемами в настоящем. Уже имеем катастрофическое положение дел в «культуре и литературе», постоянно выпускаются сериалы и снимаются фильмы, раздражающие общество... Не пора ли власть предрержащим обратить внимание на происходящие, озаботиться поисками выхода из сложившейся ситуации?

Первым всегда было слово, и если всё останется как есть, то довольно скоро по историческим меркам в границах одной шестой части суши явью обратятся слова из песни «Антифашистская» подзабытой группы «АНЧ»:

*Я вижу костры из книг,
Я слышу овчарок лай.
И если один крикнет «Зиг» -
Миллионы откликнутся «Хайль».*

**Ренцензия литературного критика и писателя
Вадима Чекунова на повесть «Близкие друзья»
Е.Г. Водолазкина**

«Склизкие друзья»

Писатель Евгений Водолазкин похож на лютеранского пастора, тайно посещающего свинг-вечеринки. То есть впечатление автор производит самое благоприятное и располагающее, как человек явно широких взглядов на окружающую действительность. Поэтому за его повесть «Близкие друзья» я взялся в предвкушении чего-то необычного.

Ожидания себя оправдали сполна. Тут уместнее всего привести слова «окопного писателя» Виктора Некрасова, сказанные им после посещения одной из выставок официоза: «Впечатление яркое. Как будто г...а пожевал».

Не секрет, что именно Евгений Водолазкин, словно и впрямь настоящий пастор, является «духовно-литературным отцом» и наставником не кого-то там, а самой Гузели Яхиной. Прославленная авторесса легендарного рассказа про войну и немцев «Винтовка» неоднократно с гордостью сообщала публике, что перечитала все водолазкинские тексты, прежде чем решиться наступить в стезю писательского ремесла собственной стопой.

Но мало ли кто чего перечитал, скажете вы. Соглашусь. Есть же вот люди, которые всех этих лауреатов читали, однако, что толку — так и останутся до конца дней своих лишь злобными и завистливыми хулителями толпов.

Иное дело писательница Яхина — современный литературный успех любит усердных и послушных. Именно Евгений Водолазкин нашептал ей дельный совет: «Вторая книга должна сильно отличаться от первой». И именно Евгений Водолазкин следующей (после татар) жертвой ее пера

назначил поволжских немцев. Что получилось — мы все имели возможность увидеть в яхинском эльфийском романе «Дети мои». Водолазкин всячески этих «Детей» хвалит, как своих собственных.

К немцам вообще (не только к поволжским) отношение у Водолазкина весьма трепетное. В этом ничего предосудительного нет. Даже народный герой Данила Багров, который, казалось бы, кавказцев на дух не переносил, американцам кирдык обещал, евреев тоже «как-то не очень» — как раз к немцам относился нормально.

Ну немцы и немцы.

Но почему немцы? Зачем немцы?

А есть такой анекдот. Сидит старушка в избушке. Вдруг дверь вышибается ударом кованого сапога и на пороге появляется мордатый немец. Смотрит на испуганную старушку и кричит: «Матка, курка-яйко йесть?» Старушка отвечает: «Да хосподь с тобой! Как ваши в сорок первом забрали все, так ничего с тех пор и нету!» Немец протягивает ей коробку и говорит: «Матка, полутчай гуманитарный посылка из Федератифный Германия!»

В голодном 1992 году немцы взяли и спасли тогда еще будущего доктора филологических наук и будущего автора замечательного романа «Лавр» от голода и прозябания — Мюнхенский университет пригласил его к себе на годичную стажировку.

Евгений Германович, умный человек с подходящим случаю отчеством, времени не терял, связи с германцами всячески налаживал и закреплял. Став стипендиатом фонда имени Александра фон Гумбольдта, в конце девяностых и начале нулевых Водолазкин снова получил возможность жить, вести исследования и публиковаться в ставшем ему близким городе Мюнхене.

У меня, живущего уже второй десяток лет то в Москве, то в Шанхае, германские вехи водолазкинской биографии не только не вызывают отторжения, а наоборот — находят всяческое понимание. Писатель и ученый просто обязан

передвигаться по миру и познавать его во всем многообразии.

Другое дело, что отражать полученные впечатления у каждого автора получается по-разному. Скандальный Париж Миллера, безжалостный и безумный Нью-Йорк Лимонова, тихий и мирный нацистский Мюнхен Водолазкина...

По признанию Евгения Германовича, определение «неисторический роман» к его титульной книге «Лавр» придумала сама Елена Шубина, глава редакции имени себя и вообще королева-мать всяей большой отечественной литературы. «Я думаю, в эту парадигму встраивается и моя повесть “Близкие друзья”», — сообщил в интервью Водолазкин.

А я вот так не думаю.

Возьму на себя смелость придумать более верный термин для водолазкинского текста «Близкие друзья» — «сервильная повесть». Потому что при чтении убеждаешься — повесть будто писалась автором вовсе не для отечественного читателя, а во многом с расчетом на перевод и публикацию именно на родине его «близких друзей», в славной стране Германии. С оглядкой на мюнхенских коллег.

Разобраться в том, кого, как, сколько раз и зачем обслуживает автор своим текстом мы и попробуем.

Уже самим названием «Близкие друзья» автор берет быка за наиболее удаленное от рогов место и пытается всучить нам этакого «Ремарка в импортозамещении». Но если в «Трех товарищах» мы действительно видим историю дружбы и любви, то никаких «близких друзей» или достойных внимания человеческих чувств в повести «Близкие друзья» и близко нет. Копошение изображенных в ней организмов более походит на жизнь представителей славной группы беспозвоночных — всяких там улиток, слизней и морских блюдечек.

В прекрасном городе-колыбели нацизма, в Мюнхене, в межвоенное время «дружили родители трех детей» — Ральфа, Ханса и Эрнестины. Родители этих детей не были ни коллегами, ни даже однопартийцами. В манере, которую

некоторые деликатные критики охарактеризовали «суховато-повествовательной авторской интонацией» нам будет рассказано, как на Северном кладбище города случайным образом познакомились три семьи, ухаживающие за могилками родственников. Даже «отношение к нацизму в их семьях было разным». Каким именно, автор предусмотрительно не уточняет — всё-таки дело щекотливое... Может, одна семья считала нацизм спасением, другая — весной человечества, а третья спокойно и практично поддерживала. Не придерешься — действительно разное отношение. Люфт трактовки широкий. Можно и насчет «тихих противников режима» пофантазировать, при большом желании.

Познакомившиеся семьи договариваются о совместных походах на кладбище и традиционном культурном досуге — распитии пива. Осторожным штрихом автор обрисовывает обстановку — вот в биргартене сидит за соседним столиком сам Томас Манн, а вот прошло несколько лет и уже не сидит он там больше. Неуютно ему в Мюнхене стало, исчез. То ли пиво плохое стали варить, то ли еще что-то случилось. Автор предпочитает деликатно промолчать.

Писатель Водолазкин изображает героев повести, пока еще детей лет девяти-десяти. Дети все хорошенькие и пригоженькие — помогают взрослым содержать могилки в образцово-показательном виде. А в перерывах между созидательным трудом дети разговаривают друг с другом с суховато-повествовательной интонацией автора:

«— Вы можете себе представить, что когда-нибудь на Северном кладбище будем лежать и мы?»

— Нет, — ответил Ральф.

— А я могу, — сказала Эрнестина. — И поскольку мы близкие друзья, предлагаю каждому дать слово, что он будет похоронен здесь. Мы не должны расставаться ни при жизни, ни при смерти. Вы даете мне слово?»

Люблю такие диалоги. Они мне напоминают те времена, когда я преподавал русский язык в нерусской аудито-

рии, а учебники были напичканы диалогами в подобном стиле:

«— Здравствуй, Антон!

— Привет, Виктор!

— Куда ты идешь?

— Я иду на выставку современной живописи. Она открывается сегодня и продлится всего три дня.

— Я тоже хочу пойти с тобой! Ведь я очень интересуюсь современной живописью. У меня дома есть большая коллекция репродукций произведений известных художников

— Отличная идея! Давай пойдем вместе! Ты будешь моим экскурсоводом!

— Посмотри, вон там — Павел! Он летит на всех парусах!

— Я думаю, он тоже спешит на выставку! Павел, подожди! Давайте пойдем на выставку все вместе!»

Ну чем не «Близкие друзья», верно?

Таким языком герои разговаривают до самого конца повести. Особенно усердствует Эрнестина, рассказывая мальчикам о своих приключениях в кабинете дантиста — женатый лысый доктор Аймтербоймер всегда трогает ее за попку и грудь, усаживая ее в кресло, — Эрнестина отметит важную деталь:

«— А еще он нацист, и это самое отвратительное... Давайте поклянемся, что ни за что на свете не станем нацистами. Пусть это будет еще одной нашей тайной».

Такой лживой политугодливости я не встречал со времен чтения произведений канувших в Лету совписов-халтурщиков былого времени. Евгений Германович, видимо, читал еще прилежнее меня, и спустя годы решил творчески переработать усвоенные в детстве и юности приемы. Ну в самом деле, не пропадать же годному кульбиту, а коллеги из Мюнхена обязательно оценят и одобряют политически верный изгиб стана.

Чем дальше от тех тридцатых и сороковых, тем бледнее становятся, куда-то исчезают миллионы ревущих в восторге

немцев с вытянутыми правыми руками. Зато теперь не протолкнуться на страницах книг и в кинофильмах от простых немецких людей, которые все как на подбор или жертвы тяжелого времени, или вообще убежденные противники нацизма.

Дети продолжают обсуждать, чем же так притягательна девочка для лысого врача:

«— Вероятно, ему нравится твоя арийская внешность, — предположил однажды Ральф.

Белокурая Эрнестина покраснела:

— Я не хочу, чтобы меня ценили за внешность, — ответила она. — Тем более, такие слизняки и нацисты, как Аймтербоймер.

— Ты можешь пожаловаться родителям, — робко сказал Ханс. — Или сменить зубного врача.

— Знаешь, это было бы отступлением перед трудностями».

Йа, йа! Дойчен пионирен нихт капитулирен! К арийской внешности прилагается стойкий арийский характер.

Доктор Аймтербоймер, видать, хорошо знал свое дело, потому что в итоге подросток Эрнестина будет с ним сожительствовать. Очевидно, в надежде перевоспитать, повлиять на его политические взгляды. Секреты пикапа от опытного дантист-нациста!

Эрнестина вообще девочка не по годам живая, несмотря на все старания писателя Водолазкина заставить ее вещать в стиле робота с планеты Шелезяка. На свое двенадцатилетие она заманила Ханса и Ральфа в кусты, разделась догола и вынудила мальчиков скинуть свои баварские штанишки.

«— Мы — близкие друзья, — сказала она, — и у нас не может быть тайн. Чтобы доказать это, мы должны друг перед другом раздеться».

Голая девочка описана автором любовно, как и полагается пастору-лютеранину с широким кругозором — и

светлый пух на лобке, и подрагивающие соски — ничто не укрылось от наблюдательного писательского взора.

Искренне жаль, что текстовый формат не позволяет вставить сюда видеоролик с восторженно кивающим педофилом Харви, как это делает Евгений Баженов в своих кинообзорах.

Один из героев Ральф Вебер — центральный персонаж повествования — человек достойный во всех отношениях. Художник по призванию, но отец желает сделать его офицером. Конечно же, «попытки Вебера-старшего заговорить о возможной военной карьере не находили в сыне ни малейшего отклика». Ведь Ральф — хороший мирный человек, таких было очень много в предвоенной Германии. Вы разве не знали? Никто не хотел воевать. Ну почти никто.

Когда озорная эксгибиционистка Эрнестина после окончания гимназии предложила всем вместе зажечь счастливо втроем, и даже пояснила, что это по-французски называется *l'amour de trois* — Ральф очень обрадовался и заявил, что не боится условностей. Прогрессивный молодой художник. Таких и в современной Германии много.

Бедный Ханс, который за пару минут до варианта «тройничка» делал Эрнестине предложение руки и сердца, сидит остолбенело, жует скатерть, потом молча покидает своих развратных друзей.

Думаете, возникает конфликт, картонные фигурки персонажей оживают и суховатое мочало текста вдруг напитывается соками жизни и превращается в художественное произведение?

Ничего подобного.

Ушлая Эрнестина через два месяца выходит за Ханса замуж, и Ральф принимается страдать. Опять же — совершенно бесконфликтно, а в стиле безобидного городского юродивого. Страдания его выражаются в ежевечерних стояниях под окнами дома молодой семьи. Эти самые стояния филолог Водолазкин описывает шершавым языком, но не плаката, а наспех набросанного в расчете на перевод текста.

Испытав возбуждение от колебания «шелка штор», герой в экстазе прижимается к «шершавой штукатурке ниши». Как тут не вспомнить чеховскую Сусанну Моисеевну: «Боже мой, Господи! Нет противнее языка! “Не пепши, Петше, пепшем вепша, бо можешь пшепепшиться вепша пепшем”!»

Словно испугавшись, что его повествовательный поросенок и впрямь переперчится, автор возвращается от звукописи ремизовской школы к своей излюбленной авторской интонации, а попросту — к жеванию картонных канцелярских папок.

Начав уставать от дежурств под окном, Ральф ощущает, что его жизнь потеряла наполненность: «как бы сдулась». Поддуть ее и поддать жару в свои пороховницы он решает элегантно — соглашается с отцом, что теперь можно и на офицера выучиться. Тем более, скоро война, и «он подспудно надеялся, что война встряхнет его чувства».

Ну а что, традиционный немецкий способ отдохнуть и развеяться — повоевать, грусть-тоску разогнать. Вен ди зольдатын дурш ди штадт марширен... Ай варум, ай дарум!

Служба в училище описана двумя абзацами — «чересполосица учебы и службы» плюс «многочисленные марш-броски». Водолазкин, как человек бывалый, отмечает: его герой «знал, что первые два-три километра бывает тяжело, но затем открывается второе дыхание». Ральф бегаёт хорошо, становится отличником боевой и политической фашистской подготовки. К концу учебы, правда, охладевает к военной науке и даже подыскивает предлог, чтобы покинуть армию. Ведь он пошел в офицеры лишь чтобы встряхнуться и отвлечься от стояний под окнами.

Но тут началась война. Автор повести заботливо поясняет нам: «Человека, ушедшего из армии в такое время, неминуемо признали бы дезертиром». И общественное мнение было подобно трибуналу.

То есть бедный Ральф — жертва тяжелого времени. Хороший человек, типичный немец. Просто свинцовые волны эпохи бултыхали его, как букетик фиалок в проруби...

Сам Водолазкин свято убежден, что таких немцев было множество. Так он и говорит в одном из интервью:

«Надо понимать, что в эту войну их привело не желание воевать, а приказ, обстоятельства, судьба, и они воевали, уже тогда испытывая очень горькие чувства».

Оно и видно, как им горько было. Четыре года горевали, все нагореваться и успокоиться никак не могли. Они, конечно, планировали всего пару месяцев у нас погоревать, как им ихний фюрер наобещал, а потом зажечь припеваючи на освобожденных от нас землях.

Но не получилось, не фартануло. А вот нечего было всяким своим гитлерам верить.

Они бы, конечно, могли побросать оружие да сдаться в плен, но... «Это было бы отступлением перед трудностями», как однажды справедливо заметила девочка Эрнестина.

Впрочем, если самому писателю Водолазкину становится легче от мыслей, что одного из его дедушек в 1943 году подневольные приказы немцы сожгли в танке с чувством горького сожаления — то ради Бога. А то и вообще, может быть, фашист, засадивший в деда снаряд, всего лишь «встряхивал свои чувства» на войне. Тоже вариант.

И вот, опасаясь общественного осуждения и повинуюсь роковому течению обстоятельств, лейтенант Ральф вторгается с боевыми коллегами в Россию, любуясь сквозь ивовые ветви блеском реки Буг. Попутно он замечает, что некоторые ветви двигаются. Выпускник военного училища с изумлением обнаруживает, что «будучи закреплены на броне, движущиеся ветви оказались элементом маскировки».

Тут у меня при чтении впервые возникла надежда, что текст наконец-то оживет — возможно, нас ожидает повествование про хождения нового Швейка...

Евгению Водолазкину меня не убедить, что немецко-фашистскими военными училищами руководили тайные троцкисты-вредители, которые все внимание учащихся концентрировали на втором дыхании после пары километров

марш-броска, а на остальные дисциплины положили с прибором. Поэтому вывод напрашивается однозначный: герой повести лейтенант вермахта Ральф Вебер — умственно отсталый человек, по недоразумению избежавший гитлеровской программы по ликвидации. Одним словом, идиот.

Вы не поверите, но Ральф «удивился тому, сколько неожиданного способны скрывать в себе кусты».

Это ты, дорогой фашист, еще беляшей на витебском вокзале не отведывал... Мигом бы познал всю сакральную сущность зеленых насаждений и их роль в маскировке. Раз тебя в твоём фашистском училище ничему не научили, так будешь в России на практике постигать.

Но до Витебска и лечебных беляшей еще далеко. Наш герой взирает на понтонный мост и это зрелище ему напоминает Венецию, «где Ральф, случилось, гулял с родителями, приехав на каникулы».

Лейтенант Ральф вспоминает, как во время одной из таких прогулок они встретили Эрнестину и ее родителей. Эрнестина в шляпе с лентами разглядывала собор.

«Девочка стала задумчивой, — улыбнулась мать Ральфа.

— Скорее — стеснительной, — предположила мать Эрнестины.

При этих словах Ральф впервые поймал взгляд Эрнестины. Он знал, что его подруга не так стеснительна, как это может показаться».

Этот художественный прием я называю «бобровая голова». Большим приверженцем такого приема является писатель Алексей Иванов, который, подобно ученому бобру, то и дело выныривает из запруды своего текста, высовывает на поверхность голову и принимается либо пояснять читателю что-нибудь ненужное, либо напоминать очевидное. Скажем, описывает он завод, вокруг которого забор с колючей проволокой — и тут же сообщает: «Это чтобы не воровали продукцию». Рассказывает Иванов о негодяе, соблазняющем девушку, и обязательно уточнит: «Он говорил ей о любви не потому, что любил, а просто хотел секса». Через пару

абзацев еще и напомним: «Владик не любил ее, просто он хотел трахаться, поэтому врал».

Вот и писатель Евгений Водолазкин решает вдруг пояснить, что Ральф-то — знал, что фройлен Эрнестина отнюдь не стеснительна! Еще бы не знать — всего шесть страниц назад он в кустах по ее приказу лямки штанишек своих с плеч стягивал да на ее дрожащие соски пялился...

В общем, мысли оккупанта Ральфа благодаря колыбанию понтонного моста крутятся вокруг Венеции, и он принимается сравнивать ее с Россией. Немцу очень пыльно — столько пыли он раньше не видел. И тут его наблюдательность достигает поразительных высот:

«Все остальное в России на Венецию похоже не было. Особенно дороги».

Вот что есть, то есть. Хотел бы возразить фашисту, да куда там. Дороги у нас другие. До Венеции нам далеко, это верно.

Ты помнишь, Ральфуша, дороги Венецины, как шли бесконечные эти дожди... и плыли с просекко прекрасные женщины, бутылки прижав, как ребенка, к груди...

Отвлекаясь на венецианскую военную лирику, прошу прощения. Наглотавшись как следует пыли, а затем и грязи, лейтенант Ральф принимается воевать. Не подумайте чего плохого — воевать он не любит, и вообще не понимает, зачем он с коллегами захватывает советские города.

Отравиться беляшами в Витебске нашему фашисту не удалось — но зато он с интересом наблюдал за горящим городом, любовался заревом и всячески эстетствовал в стиле Нерона — снопы искр над Витебском ему чудились разными фигурами, которые взмывали в небо, как на картинах Шагала.

И вот тут мы подходим к одному из самых важных, ключевых моментов сервильной повести «Близкие друзья».

Писатель Водолазкин делает изящный кульбит — заставляет своего героя вести дневник, но с оговоркой: «Он не записывал в него всего того, что ему довелось видеть... Ральф не писал об ужасном. Он не хотел, чтобы впоследствии этот дневник ему было страшно открыть».

Ах ты, душка какой!

Поэтому боевых действий в повести нет. Все, что имеется — это казенно-картонные слова с любимой авторской суховатостью, вроде «велись ожесточенные бои». Чтобы как в утвержденных Bundesministerium für Bildung und Forschung учебниках, чтобы все согласно установленным циркулярам.

Некоторых ужасных моментов избежать не удастся — война ведь. Но Водолазкин и тут исхитряется их подать в виде пусть и трагических, но лишь случайных производственных травм. Вот как возьмись кто описывать происшествия на мясокомбинате: один работник в убойном цеху на собственный нож напоролся, другой в обвалочном палец себе отчекрыжил, а третий в мясорубку неотключенную полез и без руки остался...

Так и у Водолазкина. То солдаты-фашисты отстанут на марше от своего подразделения, и глядь — их уже зачем-то повесили на ветвях местные сволочи. Об обязательных карательных акциях за подобные действия, о расстрелянных или сожженных заживо деревьях ни писатель Водолазкин, ни его герой лейтенант Ральф не упоминают ни словом.

Хотя вот честно — крайне любопытно узнать, что за человек-паук-супермен из ближайшей деревни сумел скрутить и повесить немцев на виду у всей их марширующей армии, ибо автор тут не скупится на живописание: оккупантов-оставашек «нашли повешенными на сучьях придорожного дуба, с выклеванными птицами глазами. Они были повешены двумя тесными гроздьями и покачивались на ветру — четыре плюс три. Некоторые медленно вращались».

А фашистское воинство продолжает нести убытки и терпеть неприятности на ровном месте. То у кого-то спина заболит от скрюченного положения в окопе, и он распрямится — тут ему коварный иван голову-то и отстрелит. То от целого фельдфебеля останется лишь фельдфебельская рука, зачем-то завернутая лейтенант-олигофреном Ральфом в полковую газету...

Какое-то прям проклятое, нехорошее место эта Россия. Поглощает всех «русское пространство — бескрайнее, а главное — враждебное».

Да неужели?! А каким ему, бляха-муха, еще быть-то, если вы людей, на нем живущих, истреблять пришли?

Местное пространство не просто враждебно, оно еще и вот чем исподтишка занимается: оскверняет могилки дорогих заграничных гостей. Уцелевшие фашисты на холмике своего невезучего коллеги ставят крест и на него вешают каску похороненного. А «в ночное время эти могилы осквернялись местным населением, а позднее, после передислокации войск, могилы (и это все предчувствовали) осквернялись еще и днем».

Ну такое вот некультурное народонаселение на враждебном русском пространстве, вы же сами видите, какие скоты, майн фюрер...

А наш герой вообще не воюет. Он просто ездит, смотрит на березки, тополя и кукурузные поля. Он даже не командует солдатами. Эдакий созерцатель-турист на опасной прогулке. Однажды даже вмятину от русской пули на своей бронетехнике пальцем пощупал — для впечатлений, наверное.

Волею судеб и авторским повелением к нему в подчиненные попадает его близкий друг Ханс, и они продолжают турпрограмму вместе, на досуге почитывая письма от проказницы Эрнестины, которая решает не выделять никого из них и пишет им на один адрес со словами «Мальчики, привет!». В письмах, чтобы морально поддержать воюющих мальчиков, она рассказывает, как доктор Аймтербоймер ставил ей пломбу и снова щупал за грудь. Попутно она доктора жалеет — ведь у того недавно умерла жена...

Несчастливого Ханса эти эротические письма так вдохновляют, что он вызывает своего лейтенанта на откровенный разговор и заявляет:

«— Знаешь, я понял, что не против того, чтобы жить втроем».

Теперь перед отбоем друзьям есть чем заняться.

«Ханс выводил Ральфа за палатку и шепотом делился с ним подробностями их будущей жизни. Ханс был не против того, чтобы всем спать в одной постели (несложно ведь заказать такую постель?) и заниматься с Эрнестиной любовью по очереди».

Высокие, высокие отношения. Не чета приземленным иванам, которые только и мечтают, как бы подневольного немецкого солдата убить поскорее, на могилку ему кучку отложить и бегом домой, к своей маньке или клавке... Если та, конечно, дома, а не убита, изнасилована или угнана в рабство всякими нежелаящими воевать немецкими художниками и свингерами...

Но не судьба — очередная производственная травма перечеркивает все романтические послевоенные планы приятелей-фашистов насчет МЖМ. У Ханса то ли спина затекает, то ли мысли об Эрнестине и сластолюбивом докторе Аймтербоймере в голову стукнули — но он распрямляется в окопе во весь рост и моментально изволит смертельно раниться.

Далее начинается свистопляска и повесть стремительно скатывается в треш и безумие, причем это не творческая задумка автора, а его неразборчивость в выборе материала.

Виной всему — вычитанная писателем Водолазкиным в немецкой газете история о том, как некий солдат возил тело покойного однополчанина в цинковом гробу по всем фронтам, пока не смог отправить гроб в родной фатерлянд жене убитого.

Это и вдохновило Евгения Германовича на целую повесть.

С одной стороны, я автора понимаю. Сам в середине девяностых читал всякие газеты, до сих пор помню впечатлившую меня статью о дельфине с человеческими руками, который плавал неподалеку от пляжей Алушты и показывал «факи» отдыхающим.

Но, с другой стороны, пишущий человек должен уметь разбираться в материале, отличать лютый бред от реаль-

ных жизненных ситуаций. Иначе мы сталкиваемся еще с одним излюбленным методом писателя Алексея Иванова: «одной рукой пишу, другой шарю в Сети на предмет того, как оно там все было». То есть перед нами вырисовывается настоящая цеховая солидарность лауреатов в основных принципах творчества...

Далее умственно отсталый лейтенант Ральф, помня о данной в детстве клятве схорониться всем вместе на мюнхенском Северном кладбище решает эту клятву свято исполнить. Тем более, ему хорошо известно, что прикопай он друга Ханса на опушке враждебного русского леса, ночью непременно придут местные, вывернут березовый крест и наделают делов в хансову каску. А это никуда не годится, ведь Ральф с детства приучен к содержанию могилки в красоте и чистоте.

Поэтому своего Ханса он каким-то образом упаковывает в ящик для снарядов. Не спрашивайте, как именно. Я снарядных ящиков повидал много всяких — кроме таких, куда тело взрослого мужика можно поместить.

Версий у меня несколько. Или изрубил, фашист такой, друга своего на куски и запихал. Или просто согнул пополам и сапожищами утрамбовал.

Еще, небось, и руку фельфебельскую — ту, что заботливо в полковую газету заворачивал — в виде бесплатного бонуса приложил.

Дальнейший бред с тасканием тела (через какое-то время его все же запаяют в цинк) по городам и весям необъятного фронта разбирать смысла нет — особенно после авторского заверения, что покойник Ханс стал чем-то вроде полкового знамени и продолжал числиться в списках роты, «потому что официально смерть его так и не была зарегистрирована».

Настоящее рождественское чудо случается, когда в роту заглядывает некий генерал-фашист Кайзер, душака-демократ и любитель дорогой выпивки. Проникается ситуацией с телом и в честь фронтовой дружбы лично распоряжается

доставить гроб на аэродром, чтобы отправить его утренним рейсом в Мюнхен. На самолете, конечно, не на санях с оленями.

Что ж, художественный прием *deus ex machina*, он же — «бог из машины» — зарекомендовал себя самым лучшим образом еще в античном театре, прочно укоренился в развлекательном синемаатографе. Так зачем же и Большую Литературу обеднять, его избегая, верно? Совершенно незачем. «Рояль в кустах» в виде случайно попавшего именно в роту своего друга Ханса уже был, ну и с волшебным разрешением ситуации с гробом нечего теряться. Bravo, автор!

Слава товарищу Сталину, вся дальнейшая военная вакханалия прерывается очередной производственной травмой — наконец-то и нашему Ральфу оторвало правую руку, в бою под Сталинградом. Этому факту герой весьма рад — зато не убило, как многих его коллег.

Далее у Ральфа начинается насыщенная мирная жизнь — возвращение в Мюнхен, лечение в госпитале, визиты Эрнестины и ее рассказы о сожительстве с остепенившимся доктором Аймтербоймером, дружба с этим самым Аймтербоймером, ухаживание за могилкой Ханса, смерть Аймтербоймера прямо на похотливой Эрнестине и через неделю после похорон Аймтербоймера (ура, наконец-то, мне больше не придется писать его фамилию, замучился прямо с ней) обжигающее соитие с Эрнестиной.

«Их любовь была сильнее бомбежек». Так неожиданно заверяет нас автор. Эй, эй, хочется воскликнуть — да не хвати этого Аймтербоймера (тьфу, черт, пришлось таки снова) кондратий во время шпиллен-виллен, их любовь была бы не сильнее его же, Аймтербоймера, будь он неладен, вялой эрекции...

Иными словами, оказывается, мы имеем дело с повестью о Любви. Это не беда, что любовь в повести мало чем отличается от страстных совокуплений всевозможных нематодов, коловраток, кольчатых червей и всяких уважаемых кишечнополостных созданий.

В одном из интервью автор на полном серьезе уверял: «Моя Эрнестина — женщина-война, очень чувственная, энергичная, настоящая *femme fatale*». Что ж, право художника видеть сокровенную глубину бытия и в жвачке, прилипшей неделю назад к подошве ботинка.

Еще одно из любопытных заявлений ряда нечитавших книгу критиков таково: это повесть о том, что война — «это яд, который уродует личность каждого, кто на ней побывал». И вернувшийся с нее опустошенный герой не может спокойно уснуть. У него, мол, чувство огромной вины перед Россией и вообще он заново учится жить и любить. Сам автор не удержался однажды и благосклонно подчеркнул: «Мне симпатично прочтение моей повести в таком ключе».

Давайте же посмотрим, как именно страдает и горюет наш герой после возвращения с войны.

Во-первых, он ведет насыщенную половую жизнь, качественно удовлетворяет Эрнестину в постели. Когда она очередной раз удивляется его сноровке и чутью, признается, что его этому всему подучил ее бывший муженек. Не прошли даром вечерние посиделки друзей за палаткой, не пропали секреты сексуального мастерства. Эрнестина только радуется этому и добавляет «некоторые детали, которые в свое время постеснялась сообщить Хансу».

Во-вторых, ему, как опытному фашистскому недобитку, предлагают вернуться во вновь открытое военное училище. Разумеется, как «не запятнавшему себя военными преступлениями». Это уж само собой, он же просто выполнял приказы и встряхивался... Да он вообще лишь любовался деревьями, листочками и кукурузными початками. Ну еще руку фельфебельскую в газету заворачивал и вмятины на броне от русских пуль ощупывал. Больше ничего, честное фашистское слово.

И вы знаете — наш не желавший войны и страдавший от нее Ральф охотно принимает приглашение. И служит исправно, вплоть до выхода в отставку в майорском чине.

В-третьих, Эрнестине подваливает наследство после смерти дяди, и наши голубки «становятся профессиональными немецкими пенсионерами».

Ходят по музеям — «сначала в Европе, потом в обеих Америках».

«Проявляют себя беззаветными посетителями симфонических концертов и оперных премьер».

«В сентябре ездят в Италию. Иногда — в Венецию... Лежат на пляже в Поццуоли под Неаполем. Часами смотрят на море и очертания далекого берега».

Живя в Мюнхене, они скрупулезно следят за здоровьем: «ежедневно, в любую погоду, проезжают двадцать километров на велосипеде по Английскому саду».

Придется признать: и автор, и критики правы — да, жизнь героя наполнена неимоверными страданиями и мучениями. Тяжелейшее чувство вины так и гнет несчастного Ральфа к земле, так и рвет на клочки его измученную душу. Бедняга, истязает себя оперными премьерами и ездой на велосипеде — наложил сам на себя епитимью...

Годы дают о себе знать, Ральф переживает пару инфарктов, его «туристическая активность несколько снижается». Врачи не рекомендуют путешествовать, но назло им сладкая парочка съездила в Голландию и Данию. Врачи это им простили. Знаете почему?

«В конце концов, это не те поездки, которые способны вызвать инфаркт... Не поездки, например, в Россию».

И вот восьмидесятилетнему Ральфу взбредает в голову так и сделать — поехать в Русский Мордор и посетить места былой боевой славы. Проколесить весь свой маршрут полувековой давности, включая езду на крестьянской подводе от Миллерова до Белой Калиты. «Вместе с атласом туристическому бюро Ральф передает сохранившиеся у него карты вермахта с отмеченными крестиками деревнями, рощами, озерами и возвышенностями, которые он хотел бы посетить».

Ну что же. Любой каприз за ваши деньги. В Смоленске нашу парочку немцев встречает гид Коля и присланный из

Москвы шофер на «прекрасной немецкой машине» марки «Мерседес». После первых же километров дороги немецкая «пожилая пара вянет на глазах», а шофер жалеет прекрасную немецкую машину и возмущенно матерится.

Дороги современной России так и не стали похожими на дороги Венеции.

«Дыры в асфальте, детали грузовиков, трупы собак — предметы не сторонние. Все они соприкасаются с колесами “Мерседеса” на его пути к Брянску».

«Ральфу кажется, что деревни мало изменились (прыжок и удар днищем)».

«Человек тут, похоже, вообще ни во что не вмешивался».

От всей этой мерзости запустения становится плохо не Ральфу (он-то привыкший, да и сам немало поработал над обликом русских деревень в свое время), а изнеженной старушке Эрнестине. Ее хватает кондратий, и поездка перестает быть томной — немецкую бабку кладут в провинциальную больницу. Слава Богу, не в коридор, а в двухместную палату, где одна койка занята ровесницей наших немецких туристов, бабушкой по имени Валентина Кузьминична.

«В палате пахнет мочой.

— Это как в Венеции, — шепчет Ральф соседке Эрнестины. — Там тоже такой запах от каналов. Вы бывали в Венеции?»

Дорогой херр фашист-майор в отставке! Благодаря твоим стараниям Валентина Кузьминична могла скорее в Освенциме побывать. Ну или в Великую Германию на принудительные работы съездить, чем в твою любимую Венецию.

Конец дурацкой повести «Близкие друзья» скучен и банален.

Старушка Эрнестина, согласно знаменитой классификации мастера Безенчука, отдает Богу душу. Коварный план Ральфа помереть раньше нее не сработал, приходится еще один гроб из России отправлять в родной фатерлянд.

Вместо помощи той бабушке из анекдота про гуманитарную посылку или хотя бы несчастной Валентине Кузь-

минишне из пропахшей мочой палаты Ральф решает вознаградить молодое поколение — перед отбытием в Германию дарит гиду Колье карточку, на которой пятьдесят тыщ евро. На свадьбу и роды.

Немец улетает, а внизу под дождем идет Колья. «Он не сел в автобус, чтобы иметь возможность выплакаться». Колья рыдает, жалея и немецких стариков, и себя, и свою невесту, но пальцы его время от времени шупают в кармане карточку. «Сердце его наполняется неуместным ликованием, и от этого он рыдает еще громче».

Старик Ральф проживает еще полтора года и укладывается на Северном кладбище рядом с Эрнестиной. За могилками ухаживает Брунехильда. Это дочка от первого брака доктора Аймтербоймера, чтоб ему пусто было! Не простая дочка, а — приготовьтесь — с привеском в виде внука-негртенка. Экзотический внучек — сувенир от доблестных американских войск в Мюнхене.

Оказывается, прогрессивные старики всячески поддерживали бедную девицу с чернокожим младенцем на руках, оберегали от предрассудков тогдашнего населения. Ухаживает ли Брунехильда за могилкой своего папы-нациста — неизвестно. Скорее всего — нет, ведь бедный Аймтербоймер, наверное, так извертелся в гробу, что и надгробный памятник под землю провалился.

Кроме посмертного наказания папы-фашиста внуком-негртенком эта самая Брунехильда нужна в повести еще и для заключительного изречения.

Дело в том, что за год до смерти немецкий майор Ральф повредился кукушкой и забыл все, кроме своей Эрнестины. Больше не помнил ничего, даже дня рождения своего. Войну, впрочем, ветеран Восточного фронта смутно помнил, потому что приставал к Брунехильде с расспросами: «Скажите, Брунехильда, а с кем мы воевали и главное — зачем?»

Ну вот что поделаешь, незлопамятный какой старикан — наделал зла в молодые годы и не помнит.

Думаете, Брунехильда ему напомнила? Могла бы — материал богатый имеется для напоминаний. Но нет.

«Я в ответ просто промолчала. Если человек задает такие вопросы, лучший ответ, я считаю, молчание».

На этой минуте молчания, которая вовсе и не в память о наших загубленных ральфами и хансами людях, повесть «Близкие друзья» и завершается.

Мы уже домолчались до появления феномена «Коля из Уренгоя».

Мало нам, очевидно.

Более бездарной, постыдной, соплежуйской и откровенно расчетливой писанины я не читывал давно. От холодных и выверенных водолазкинских попыток навязать нам угодливое «понять и простить» я испытывал то самое горькое сожаление, которое автор приписывает былым нашим врагам.

Только мое сожаление — оно настоящее. И в первую очередь — за то, что творят с нашей современной литературой и с нами.

Почему героям книг Ремарка действительно сочувствуешь, почему с первых глав становятся понятны их мысли, переживания? Почему так ужасают их воспоминания? Почему не вызывают отторжения попытки героев забыться и как можно реже заглядывать на темные задворки своей души?

Да потому что сам Ремарк прекрасно знал, о чем писал. Да потому что он жил в изгнании, а книги его сжигались на площадях. Впрочем, ему предлагали и вернуться в Германию, как раз незадолго до выхода романа «Три товарища». Но он, в отличие от Водолазкина, иллюзиями о немцах того времени не страдал — был их современником и знал, что его ожидает. Томас Манн, упомянутый в начале водолазкинской повести, тоже знал — его также нацисты всячески уговаривали вернуться, но писатель понимал, во что превратились его соотечественники.

А в повести Водолазкина никакой правды жизни нет и быть не может. Откуда ей там взяться? Войны доктор фи-

логических наук, к счастью, не познал. Драматургией и психологией, к сожалению, не овладел — его кособокая и картонная поделка «Близкие друзья» напрочь лишена даже намека на них. Про конфликт и говорить нечего — герои повести примитивные безмозглые существа, о чем вообще разговор.

Главная цель, на достижении которой автор сконцентрировался, выводя суховатые словеса своей «повести» — угодить ляхам. Тьфу ты, немцам.

Своеобразная дань благодарности стране и народу, подобравшему и обогревшему филолога-ученого в трудное время. В этом ничего плохого и не было бы, не сунься Водолазкин туда, куда ему лезть совершенно не следовало.

Вспомним опять Алексея Иванова — его роман-глыбу «Сердце Пармы», тоже спорный, но весьма интересный текст, выросший из увлечения автором историей края, из его глубоких знаний и смелых фантазий. И вспомним нелепую, стыдную ивановскую поделку под названием «Ненастье», сварганенную по наущению продюсера.

Вот и Евгений Германович Водолазкин — замечательный ученый, прекрасный специалист по древнерусской литературе. Публицист, колумнист. Писатель, в конце концов — пусть многими его роман «Лавр» и считается спорным, трудным, но таким и должен быть настоящий текст, рожденный сердцем и опытом. Можно и в нем найти кучу огрехов, но дело же не в них. Роман «Лавр» — это состоявшееся явление в современной отечественной литературе, и за одно это Евгений Германович Водолазкин достоин уважения.

Но вот «понять и простить» его за бездарных и отвратительных «Близких друзей» — нет никакого желания.

17 сентября 2020 года

**Разбор Евгением Ренкасом интервью
писательницы Яхиной журналисту Познеру.**

*Если бы выставить в музее
Плачущего большевика
Весь день бы в музее
Торчали ротозеи
Ещё бы — такое не увидишь и в века!*

В. Маяковский

Хотите верьте, хотите нет, но пока я смотрел посиделочки Яхиной под крылом Познера у меня сломался телевизор. Оно и неудивительно — таким накалом саморазоблачений, обилием «текстов и подтекстов» можно в целом городе электросеть перегрузить. Но бытовой прибор лег на жертвенный алтарь борьбы с антиотечественной литературой не зря! «Писательница правдой» не подвела — от волнения нагородила достаточно для воссоздания обстоятельств, породивших яхингейт. Итак, по порядку.

Перво-наперво хочу поздравить дорогую Гузель Шамилевну с «коронацией» и официально оформленным принятием в высший орден российских антинародных деятелей культуры. Совместили, как говорится, приятное с полезным. Верховный магистр братства рыцарей продажного пера (с девизом: «Ради красного словца запишем в палачи отца!»), подрабатывающий на полставки Патриархом отечественной журналистики, направил на бывшую председательницу пионерской дружины одобряющий, но пристальный взгляд и терпеливо выжидал, пока испытуемая даст единственно-правильные ответы-клятвы на все контрольные вопросы по поводу непрекращавшихся преступлений совка и степени кровавости Сталина. Вступительный экзамен был сдан на пять с плюсом.

Если зритель, решивший на свою беду посмотреть передачу-интервью с автором книги про Голод в Поволжье, вдруг забыл про обязанность каждого россиянина ежедневно каяться за преступления сталинизма в частности, и коммунизм в целом, а также, что «Сталин равно Гитлер», то не беда — господин Познер обо всем этом сегодня еще раз заботливо нам напомнил, сверкая в телекамеру половиной затылка на фоне подобострастных хлопков ресничек «добрых, как у ребенка» глаз Гузели.

Совместные исторические открытия, сделанные сей милой парой в процессе беседы, из разряда: «Голод 1921-1923 годов — это преступление большевистского правительства!», без сомнения потрясут научное сообщество, и уже сегодня днём стоит ожидать массового увольнения всяких никчемных краеведов-блогеров и прочих зануд-ученых, потративших не одно десятилетие на изучение сложного периода в российской истории. Зачем в архивах потеть, со статистикой работать, экономические показатели сверять и т. д. и т. п. Дедушка Вова и его «назначенная внучка» Гузель в эфире главного телеканала страны всё быстренько и по-братски многомиллионной аудитории «за Голод» разрулили. А кто не согласен — тот лох очкастый и ботан.

Кстати, если вдруг не знали, то и беспризорность — следствие Голода 20-тых! Клейма на большевичье ставить негде — до власти дорвались, людишек срочно морить начали (а чем на радостях заняться-то!), так еще и детей обездолили! Понятно, что Яхина не знает о количестве беспризорников в царской России и что проблема тогдашней беспризорности — комплексная, а к 1920-тому году уже «застарелая». Но Познер книжки точно читал, образование получил прекрасное, однако, свою собеседницу по понятным причинам поправлять не стал.

Дзержинского вниманием тоже не обошли. Заковыристый вопрос магистра-экзаменатора про Феликса Эдмундовича, который вроде как детей спасал, но все равно сволочь

краснопузая, поначалу заставил Гузель деланно-растерянно поморщить лобик, но она быстро выдала подготовленный заранее текст про палача-спасителя. Мол, и не герой он никакой, людей в Гражданскую и после убивал, но со всем Чикатилой-то не был — детей любил. Тут я понял, что Владимир Владимирович (Познер, конечно же) теряет хватку, потому как надо было подсекать нерадивую ученицу «небыющимся» вопросом: «А знаешь кто еще детей любил? И собак, особенно овчарок?».

Каждому приличному человеку давно очевидно, что в Гражданскую только Сталин, Дзержинский да Ворошилов с Буденным противников шашками рубали и с «Максимов» по подвалам расстреливали. А Деникин, Колчак и Краснов (отпущенный кровожадными большевиками под честное слово не воевать с ними) своих оппонентов пытались побеждать добрым словом, талонами на усиленное питание и пулевками в оздоровительные лагеря — оттого и проиграли.

Но все же Гузели Шамилевне, предельно глубоко погрузившейся в тему «беспризорности», не мешало бы хоть поверхностно ознакомиться с биографией Дзержинского, почитать, например, его письма своей сестре Альдоне (датируемые еще 1901 годом) из тюрьмы. В них он, в основном, пишет не о себе любимом, а о неразрешимых в условиях царской России социальных проблемах, причем, в первую очередь — детских. Может быть, Феликс Эдмундович сражался с противниками Социалистической Революции ради собственного обогащения, власти? Судя по его поступкам — очень не похоже.

А вот свою любовь к детям и желание построить для них светлое будущее главный чекист молодого советского государства доказал с запасом — и не дежурной брехней на заказных пресс-конференциях и согласованных интервью, а собственным здоровьем, угробленным в ссылках и тюрьмах, тяжелой работой по восстановлению разрушенной лихолетием страны. Также советую госпоже Яхиной погуглить обстоятельства смерти Дзержинского, может быть тог-

да она начнет понимать мотивации человека, о котором с умным лицом снисходительно рассуждает.

К чему я это все про железного Феликса понаписал?

Не мог человек, «погружавшийся» в проблему беспризорности 1920-тых годов, миновать детального изучения биографии председателя ВЧК, истории Гражданской войны, Первой Мировой, разбора комплекса причин двух революций 1917-го года.

«Добросовестный исследователь» (коим ошибочно нарекает себя Гузель Шамилевна) никогда не станет на голубом глазу вещать про некоего абстрактного душегуба Дзержинского, который раньше кого-то и зачем-то убивал, а потом вдруг резко озаботился проблемами бездомных детей.

Добросовестный исследователь, независимо от своих политических пристрастий, прекрасно понимает, что руководители большевиков посылали людей, своих сторонников, на смерть и сами шли в бой за идеи социального равенства, а эти идеи как раз и подразумевают, в первую очередь, максимальную заботу о детях. Представляете, госпожа Яхина, как просто «ларчик открывался»? И никаких, натужно притянутых Вами моральных дилемм про «палача и спасителя» — все строго логично. Точно также дело обстояло и с противниками большевиков — у тех наличествовали свои, вполне конкретные цели, правда, социальным равенством там, в основном, и не пахло, а у анархистов прийти к успеху не получилось.

Теперь перейдем к основному — как всё вышесказанное дополнительно толсто намекает на несанкционированное заимствование озорницей Гузелью у гражданина-краеведа Циденкова не только исторических наработок, но и его смелых творческих, сценарных находок.

Главного героя Андреева из литературной заготовки под сценарий за авторством Григория Геннадьевича и протагониста яхинского «Эшелона...» Деева роднит склонность к рефлексии. (Хоть бы фамилию менее схожей сделала, но как удержаться от возможности попутно пнуть сталиниста

Симонова с его противным стихотворением про друзей кавалеристов-артиллеристов.)

Профессиональный историк знает, что ветеран Гражданской войны из начала прошлого века, смотрит на мир совсем не так, как современный человек, поэтому Циденков старается соблюдать «правила игры», не позволяя своему персонажу превратиться в морального трансвестита, страдающего ночами о загубленных им белогвардейцах.

Госпожа Яхина, с историей Гражданской войны знакома, так скажем, очень поверхностно, сути тогдашних событий совершенно не понимает, хватается в своих очернительских интересах за идею Циденкова и доводит до абсурда: Деев у неё — жалкая тряпка, невротик, периодически размышляющий о том, прав ли он был, истребляя врагов Революции.

Авторка-правдолюбка не понимает, а, вернее, просто не в курсе, что, например, для офицера-дроздовца «красные» вообще не люди — чем больше уморил, тем крепче спишь. Точно также не испытывал никаких моральных терзаний кавалерист Первой конной армии, порубавший в капусту пару «беляков». Такое вот страшное время выпало на долю наших предков. Там еще наслаивалась всякая незначительная ерунда, вроде обострившейся со всех сторон классовой ненависти, примешивались особенности быта начала двадцатого века, общий уровень жизни, образования и т. д. и т. п. Короче, почитать бы некоторым Бабеля или дневники того же Дроздовского — там реальные проблемы участников Гражданской затронуты.

Но в столь скучные дебри Яхина предпочитает не углубляться, ведь намного проще посмотреть на абстрактный мир описываемой эпохи добрыми глазами современной прогрессивной писательницы. Исказать для своих нужд позаимствованную у краеведа историческую фактуру в комплекте с идеей про рефлексирующего большевика — вопрос техники (подобный навык, к счастью, у писательницы также отсутствует). Со страниц получившейся поделки можно уверенно тулить читателям и кураторам антинауч-

ную белиберду про «палача и спасителя». Да еще и выдать этот спонтанно-возникший бред, как «правдивый всеобъемлющий взгляд на сложный период в истории страны». Тем более, что под таким волшебным соусом можно легко обосновать преступную сущность советского строя — палачи же создавали! Революционер-мокрушник в яхинской книжке и сам понимает всю вину, меру, степень, глубину... сказать просто боится...

Однако, все эти гузелевы фантазии не способны отменить по-пролетарски неумолимого факта — убежденный большевик Деев, выполнявший ответственнойшее задание по сопровождению эшелона с детьми, никак не мог превратиться в Васисуалия Лоханкина и насиловать свой мозг непонятно откуда нахлынувшими мыслями про свою роль в истории России как «палача и спасителя». У него банально времени на это не оставалось, даже если б очень захотел — поспать-то некогда.

Окончательно обнажилась госпожа Яхина после ответа на вопрос про любимого русского писателя. Ответ, не сказать, чтоб поразил — Евгений Водолазкин. Неудивительно, что всё творчество Гузель Шамилевны так или иначе перекликается с лейтмотивом романа «Близкие друзья» про дружелюбных свингеров-фашистов, которых злой и коварный Гитлер палками погнал в поход на Восток, где злобные и негостеприимные Иваны не захотели добровольно уступать жизненное пространство миролюбивым Гансам и при каждом удобном случае норовили осквернить аккуратные арийские захоронения.

В целом, интервью мне понравилось. Разбирать там можно каждое предложение, но и того, что есть, хватит.

Отдадим должное профессионализму господина Познера. Разберем по пунктам. Во-первых, книжку Яхиной умудренный жизненным опытом Мэтр читать явно отказался, что сразу характеризует его положительно с любой

стороны. Во-вторых, с трудами «краеведов» он в сжатом виде, но точно ознакомился. Ну, а в-третьих, поняв с каким «материалом» придется работать, старый профи полностью переключил на себя реализацию сложной задачи по повышению скромной личности госпожи Яхиной до приемлемых кондиций. Мелькали сравнения с «Доктором Живаго», которого тоже никто не читал, но осуждали и остальные прогнозируемые аллюзии. Вопросов с заранее согласованными слово в слово ответами лично я спалил всего два — касательно уже написанных книг про Голод и доступности архивных материалов.

23 марта 2021 года

Содержание

Писатель Евгений Германович Водолазкин. <i>Биографическая справка</i>	3
I. Современные литераторы и авторская передача Владимира Познера.....	4
II. Как студент Водолазкин почувствовал страх.....	13
III. Неугасимая творческая лампада писателя Водолазкина.....	36
IV. Проповеди литературоведа Водолазкина.....	69
<i>Приложение 1.</i> Ренцензия литературного критика и писателя Вадима Чекунова на повесть «Близкие друзья» Е.Г. Водолазкина. «Склизкие друзья».....	82
<i>Приложение 2.</i> Разбор Евгением Ренкасом интервью писательницы Яхиной журналисту Познеру.....	104

Евгений Ренкас

ДНО ПИСАТЕЛЯ ВОДОЛАЗКИНА

Литературное исследование

Издание подготовлено творческим объединением

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 22.05.2021. Формат издания 60х90/16.

Объём 7,0 печ.л. Гарнитура Literaturnaya.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Слово».

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82.

e-mail: izdatkniga@yandex.ru